

ЛИССА
Джонс

#СТАРШАЯШКОЛА

$F = mg$

КОРОЛЬ
Моей
ШКОЛЫ

Лисса Джонс

Король моей школы

<https://litres.ru/74346183>

Аннотация

Я помню мальчика, который носил мои книги. Смеялся над шутками. Защищал. Пока я не предала его.

Филипп Воронов - безжалостный капитан баскетбольной команды, лучший студент "Альмы", восходящая звезда "Легиона". Он красив, популярен, жесток. И он никогда ничего не сделает ради вашего спасения.

Он назвал меня уродиной перед всеми. Разбил так, что я уехала на долгие месяцы, но возвращение было неизбежно.

Теперь ему запрещено приближаться ко мне. А я вместо открытых насмешек столкнулась с грязными записками и анонимными угрозами. Все указывает на Фила. Но тогда почему он смотрит на меня так странно? Почему шепчет: "Твой настоящий цвет глаз лучше линз"?

Если это его новая игра — я уничтожу его. Если нет... Значит, кто-то играет с нами обоими.

✓ Нежная героиня, которая учится противостоять обидчикам
✓ Сложный герой — действительно ли он монстр? ✓ Химия между врагами, которая жжёт страницы

Для тех, кто любит: ♥#Атмосферу элитных учебных заведений и спортивную романтику ♥#Романы с героями-

подростками, которые только ищут себя ❤️#Тропы "от ненависти до любви", "фиктивные отношения", "первые чувства", "хорошая девочка и плохой парень"

Содержание

Пролог. Самый близкий враг	6
Глава 1. Возвращение домой	10
Глава 2. Король «Альмы»	14
Глава 3. Геометрия под прицелом	21
Глава 4. По-настоящему новенькая в 11 «А»	27
Глава 5. Свинцовый мяч	34
Глава 6. Из-за тебя	41
Глава 7. Адское лето	48
Глава 8. Разбитое зеркало	57
Глава 9. Ее маленькая тайна	64
Глава 10. Мой лучший друг – мой худший враг	70
Глава 11. Его маленькая тайна	79
Глава 12. Скандал, мокрая рубашка и ее глаза напротив	89
Глава 13. Булочки с корицей и неудобные вопросы	97
Глава 14. Обратная сторона «Альмы»	108
Глава 15. Любовь, семья, друзья. Предатели?	116
Глава 16. Легион	130
Глава 17. Ночная шарлотка	143
Глава 18. Утренний гость и странные переписки	156
Глава 19. Ты всегда была моей	172
Глава 20. Мотыльки, слетающиеся на свет	188

Пролог. Самый близкий враг

Ты.

Маленькая доносица.

Она шарахается, будто я — чумной. Глаза за очками — круглые, испуганные.

А меня клинит от одного ее вида.

— О, кака-а-ая встреча! — голос хриплый, будто пробежал кросс. Но это не так: я отшел на пару метров от дома. — Мисс «я расскажу всё мамочке и папочке».

Она делает небольшой шаг назад. Я — размашистый вперёд.

— Дай пройти... — дрожащий шёпот едва слышен.

Мне хочется задушить ее, и сила желания ослепляет. Я зол на отца, мать, тупоголового Глеба, подначивающего пошутить над ней последний раз в году. Зол на нее, осмелившуюся сегодня открыть рот на Соколова. Это усугубило ситуацию. Она сама спровоцировала это говно.

— Почему надо было отвечать ему?! Почему надо было реветь, а?! — рычу. Голос вибрирует, как перегретый мотор. — Что ужасного было в замазке на пиджаке?! Что страшного было в пустых словах?!

— Мне нужно дом...

— Из-за твоего стукачества меня закроют в военке! — Баста. Срываюсь на крик. — Без телефона, тусовок и баске-

та! Я буду ходить по струнке смирно! Из-за тебя!

— Я не говорила... так получилось...

Лгунья.

Хватаю её за локоть — тонкий, хрупкий. Другой рукой она прижимает к груди какие-то тетрадки.

— Знаешь, что? Ты заварила — ты и расхлебывай! Вперед и с песней.

Ее кожа под моими пальцами покрыта мурашками. Прохладная и такая нежная, что точно синяк останется. Плевать.

— Куда?

— Будешь всем рассказывать, как я «искренне извинялся».

— Не буду, — она вся сжимается, смотрит вниз, но голос неожиданно крепнет. — Я не буду врать.

— Чего?!

— Может, тебе действительно стоит побывать в этом лагере. Подумаешь, почему все твои шутки — за чужой счёт. За счет того, кто слабее.

«За счет того, кто слабее».

От ее намека красная пелена ярости застилает глаза. Я резко дёргаю её к дому, она спотыкается, но упирается.

— Пусти!

Я же могу дёрнуть сильнее. Могу заставить её замолчать. Могу...

— Отпусти, Филипп!

— Да пожалуйста! — Резко отпускаю. Неосознанно тол-

каю.

Она падает. Назад, на асфальт. Кричит.

*Кроваво-красное марево на глазах тает. И я вижу... все.
Я вижу ее. Себя.*

Нас. Повзрослевших.

Папка с бумагами разлетается, листы застилают асфальт, как белые перья. Я стою над девчонкой, дышу тяжело, сжимаю кулаки.

Ну просто вылитые ангел и демон во плоти.

Она плачет. Прижимает локоть к телу и плачет. Очки сползают на кончик носа, она судорожно их поправляет и снова хватается за поврежденную руку. Черт. Локоть — хрупкая штукавина.

— Ава... — Не знаю, что сказать. Что делать? — Давай я пом...

— Уйди! — Отползает от меня по асфальту. — Оставь меня в покое!

Нужно наклониться и помочь. Нужно собрать ее бумажки, позвонить в «Скорую» или родителям, но я стою столбом и смотрю на трясущуюся от боли и слез девчонку, которую когда-то защищал от таких же ублюдков, каким стал сам.

Когда-то это все уже было. Только у нее был я.

— Ава...

— Я ничего тебе не сделала! — Всхлип.

— Чёрт... — выдыхаю, отступаю. Запускаю пальцы в волосы, сжимаю пряди. Ощущение, что мне дали по башке би-

той. Судя по шуму, к нам бежит кто-то из соседнего дома.

— Уходи!

И я делаю то, что она просит.

Разворачиваюсь и бегу.

Быстро. Без оглядки.

Приходите в мой уютный тг: твой автор, Лисса Джонс

И, пожалуйста, не бойтесь оставлять комментарии, делиться переживаниями, добавлять книгу в библиотеку и просто писать автору!##

##Вас ждет увлекательное приключение в стенах элитной гимназии "Альма" в сердце самого Санкт-Петербурга##

Глава 1. Возвращение домой

Аврора

Все будет хорошо. Все будет хорошо. Все будет хорошо,

Аврора.

Затаив дыхание, мысленно повторяю слова, ставшие молитвой.

Поверить не могу, что время пролетело так быстро! Я вернулась домой... И осталось всего две четверти до выпускного...

Окно спальни покрыто морозным узором, коттеджный поселок еще спит, но голубой свет фар до боли знакомого черного внедорожника «Mercedes» уже разрезает темноту раннего утра.

Знаю, что теперь этот автомобиль припаркован у соседей, пусть раньше стоял на нашей парковке. Знаю, для кого греют салон, как приятно там пахнет перцем и ванилью. Знаю, что коричневая кожа задних сидений немного поцарапана.

Это знание не радует. Я бы хотела забыть любые подробности *о нем*.

Обнимаю себя за плечи и отворачиваюсь от окна, не желая видеть того, кто вот-вот выйдет из соседнего дома.

— Аврора, милая, машина готова! — Мягкий голос звучит за дверью комнаты, а тихая поступь шагов говорит о том, что мама ушла в сторону лестницы.

Когда-то я ездила на том черном внедорожнике в компании лучшего друга, но больше мы не сядем в одну машину.

Мальчик вырос и превратился в дьявола.

Сегодня первый день, когда поеду в школу как одиннадцатиклассница. Точнее... не совсем первый. Нет, я не новенькая в гимназии. Хотя как посмотреть. В какой-то степени я действительно «новенькая».

От волнения желудок скручивается в тугой ком. Страх вернуться в гимназию спустя полгода накатывает волнами. Пальцы нервно теребят плотную ткань плиссированной синей юбки — привычка, которая не вписывается в новый образ, но от которой я ещё не избавилась. Порой не успеваю проконтролировать руки.

Дыши, Аврора. Все будет хорошо.

В отражении высокого напольного зеркала новая я. Эта девочка смотрит на меня с волнением.

Все будет хорошо, крошка. Большие я не дам нас в обиду.

Юбка теперь чуть выше колен. Ушитый в талии пиджак и красная ленточка вместо галстука — кажется, я носила форму всю жизнь, но еще никогда не чувствовала себя так комфортно.

Я больше не буду сравнивать себя с кем-то.

Легкие волны золотистых локонов едва тронуты мелированием. Красный полупрозрачный тинт. Красные высокие Converse в качестве сменной обуви завершают новый образ. Линзы ярко-голубого цвета блестят в свете ламп. И никакой

оправы от очков.

Я больше не прячусь.

Подношу пальцы к накрашенным губам, вспоминая, как год назад прикусывала их до крови, лишь бы не расплакаться при очередном новеньком прозвище.

«Крот».

«Слепышара».

«Немая».

«Ботаник».

«Гугл-глаза».

«Крыса».

Выбирайте любое. Это не просто слова: я чувствую их мерзкую кислоту на кончике языка.

На запястье звенит браслет. Тоненькая золотая цепочка с крошечным замком. Подарок самой себе в день, когда решила: Филипп Воронов остается в прошлом.

Он внушил мне ощущение собственного бессилия и никчемности, а я верила ему слишком долго.

Это чувство... Чувство, что ты недостаточно хорош – оно вам знакомо?

Вам знаком неконтролируемый страх, сковывающий разум и тело, когда кто-то в школе произносит ваше имя? Вы ждете, как очередное оскорбительное слово, будто кинжал, вонзится между лопаток и оставит болезненный шрам глубоко под кожей?

Сталкивались ли вы с мыслью, что боитесь ехать в школу?

Кто бы что не говорил, невозможно не обращать внимания на детскую жестокость. На подростковую травлю. На насмешки, злые шутки и на их последствия.

В своих фантазиях я всегда была смелее, умнее, красивее. В фантазиях я знала, что ответить на хамские подколы. Я имела смелость быть не тенью самой себя, а настоящей Авророй. Но все это было в фантазиях до сегодняшнего дня.

«Уродина».

Не всем дано быть смелыми от природы. Кому-то приходится тренировать в себе смелость, сражаться со страхами и, не смотря на проигрыши, пытаться еще и еще.

Слышу, как за окном хлопает дверь автомобиля. Значит, он сейчас уедет. Можно спускаться.

Последний раз бросаю взгляд на взволнованную девушку в зеркале, подмигиваю ей и легко улыбаюсь.

— Все хорошо. Никто тебя больше не тронет.

Хватаю с заправленной кровати аккуратный красный рюкзак и выхожу из своего безопасного уютного мира.

С сегодняшнего дня я сама буду защитником для себя, раз тот, кто был рыцарем, решил стать палачом.

А вот и наши крошки:

Глава 2. Король «Альмы»

Аврора

В салоне маминой Panamera пахнет духами с легким шлейфом тюльпанов.

Смотрю в окно, на сонный зимний Питер, когда мы выезжаем из коттеджного поселка на расчищенную от снега трассу. В утренних сумерках мелькают деревья в пушистых белых шапках из снега, высокие столбы фонарей и проносящиеся мимо машины.

— Ты же знаешь, что еще не поздно сменить школу? — Боковым зрением замечаю: мама бросает на меня взгляд из под ресниц. Ее пальцы с безупречным нюдовым маникюром сжимают руль чуть сильнее.

Моя мамочка — самая красивая, заботливая и лучшая женщина в мире. Наверное, я из тех детей, которым повезло иметь такую маму.

— Если скажешь прямо сейчас, мы с папой сможем тебя перевести. В конце четверти поменять решение не получится.

Папа готов носить ее на руках. Иногда он зовет ее самой требовательной музой времен и народов, и это очень точно описывает Василису Бестужеву. У нее невозможно упрямый характер, особенно, когда речь идет о семейном отелльном бизнесе и папиных картинах.

У нее светлые волосы, аккуратно уложенные в волну, достающую до плеч. Чистые зеленые глаза с небольшой сеткой морщинок в уголках. А еще у нее изящные изгибы фигуры, которые не передались мне ни на сантиметр. Я похожа на нее, но худее и выше.

— Милая, решение за тобой.

Я больше не хочу убегать. Один раз сбежала — это было фатальной ошибкой и уроком на всю жизнь.

— Полгода осталось доучиться, мам. А это одна из лучших школ страны. Все хорошо.

Да и давайте признаем, что быть новым человеком в выпускном классе — то еще «удовольствие». В своей школе я знаю учителей и их замашки. Знаю, у кого я на хорошем счету, а у кого нельзя расслабляться.

— Атанасия и Кирилл провели с ним ряд бесед. Летом Фил приходил в себя в кадетском лагере.

Да, я помню, как именно он мне сообщил об этом. И последствия нашего общения — фантомная боль в локте. Из-за меня его лишили лета.

Плевать. Мне должно быть плевать. Нет, не так. Я должна быть рада его наказанию.

— Мам, мне не интересно, как он провел лето.

Мама останавливается на светофоре и поворачивается ко мне. Ее зеленые глаза становятся серьезными, и я вижу, как она старается изо всех сил, чтобы не свернуть обратно домой. Она не хочет, чтобы я возвращалась в «Альму».

— Милая, пообещай, пожалуйста: если Филипп что-то сделает, ты больше не будешь молчать.

Обещай не молчать, Аврора.

«Стукачка», — все тот же ядовитый шепот в голове заставляет тряхнуть волосами.

— Думаю, такой красотке он больше ничего не сделает, — хитро улыбаюсь маме, намекая на то, что именно она позволила мне накрасить губы полупрозрачным красным тинтом и разрешила осветлить волосы.

Я не чувствую себя «красоткой» по-настоящему, но есть кое-что, что я поняла этим летом.

Я не стала эталонно красивой. Но я и не была некрасивой.

Я — не уродец. Никто из носящих очки, брекеты, слуховые аппараты или другие штуки по медицинским показаниям не может называться уродом. Мы не виноваты в собственных дефектах.

— Аврора... — она пытается сохранить строгость, но уголки губ дрожат в ответной улыбке, — просто постарайся не...

— Знаю-знаю, в ваших с папой глазах я всегда красotka, — отшучиваюсь, не дав маме закончить. Сегодня не день для серьезных и грустных тем, правда.

Я тут вообще-то во всю играю роль героини фанфиков, изменившейся за лето.

В руках вибрирует телефон. Невольно улыбаюсь, глядя на

милого парня-шатена на селфи.

Матвей: Радуйся, школота. В универе у тебя сейчас была бы сессия. С возвращением в ад))) Задай им жару.

— Это снова Матвей?

— Ма-а-ам, это просто Матвей. – Делаю ударение на слове «просто».

Матвей такой же ботаник, как и я. Был, точнее. Он занимался и занимается вокалом, выступает на конкурсах и на первом курсе универа даже обрел друзей. Это дает мне надежду на то, что и в моем случае не все потеряно.

— Я ничего не сказала, — теперь мама открыто улыбается, но не развивает тему. Матвея она знает уже лет пять.

До гимназии мы добираемся на удивление быстро, или это мне так кажется. Я была бы рада ехать ещё час.

Мама останавливается на парковке перед старым, отреставрированным зданием в духе дореволюционного Санкт-Петербурга. Трехэтажный бежевый дворец с высокими белоснежными колоннами и гербом в виде головы льва прекрасно вписывается в картину заснеженной северной столицы.

Пафосно, претенциозно. Попасть сюда могут либо очень одаренные дети города, либо очень обеспеченные.

Рядом с нами ряд блестящих иномарок, из которых выходят ученики.

Родители стараются пристроить сюда детей не только ради высококласного обучения, собственного бассейна, обсерватории, библиотеки и спортивных секций, сколько ради соци-

альных связей, полезных во взрослой жизни.

Малыши спешат в школу: бегут, выдыхая пар на морозе. Мои ровесники вольготно прогуливаются вдоль кованного черного ограждения, украшенного маленькими золотыми розами из металла.

Все будет хорошо.

Целую маму на прощание, еще раз пообещав, что больше не буду молчать.

Морозный воздух обжигает легкие, но ком появляется в горле не от январского холода. Высокая фигура капитана гимназисткой баскетбольной команды скрывается за парадными дверями школы.

Здесь ничего не изменилось.

Тетя Марина все в той же темно-синей форме сотрудника «Альмы» дежурит в гардеробной и провожает малышей острым взглядом. У шкафчиков толпятся компании друзей. Родные стены коридоров увешаны портретами ученых.

Я скучала по гимназии. По высоким потолкам, по лакированным чуть скрипучим полам, по духу старины и инноваций, живущему в стенах дворца-особняка.

Замедляю шаг, когда дохожу до кабинета математики.

Конечно, они все здесь.

Бессменная свита самопровозглашенного короля — его лучшие друзья Дима Юсупов и Максим Разумовский. С ними «Мисс гимназия», начинающая модель, та, на кого млад-

шеклассницы смотрят с восхищением и та, кто когда-то первой подхватила ненависть Фила и придумала большинство обидных прозвищ. Полина Вильская с идеально гладким высоким хвостом. Последний в их компании Глеб — самый безобидный. Он неслышен за смехом Фила, невиден за внешностью Макса и невзрачен по сравнению с медалистом Димой.

Все они образуют живую рамку вокруг своего короля. Их смех слишком громкий, слишком искусственный. Будто они играют в фильме под названием «Те самые говнюки из твоей школы».

Ладони моментально становятся влажными, а во рту пересыхает.

Он стал еще выше.

Взрослее.

Рыже-медные чуть выющиеся волосы спадают на лоб, подчеркивая нарочитую небрежность образа. Закатанные рукава школьной рубашки обнажают загорелые предплечья с едва заметными веснушками.

Он стоит, прислонившись плечом к стене. Перекидывает баскетбольный мяч из руки в руку с той показной легкостью, от которой у девочек перехватывает дыхание.

Все будет хорошо.

Фил запрокидывает голову, смеясь над чьей-то шуткой. Острый кадык на жилистой шее выделяется сильнее. Этот знакомый жест вызывает миллион плохих воспоминаний.

Только теперь я не дрожащая дурочка, которая готова была провалиться сквозь землю от одного его взгляда.

Шумно выдыхаю.

Каждый шаг к кабинету дается с трудом, будто иду не на урок, а на поле боя.

Все будет хорошо.

Чувствую, как предательски дрожат колени. Рюкзак кажется непосильной ношей. В ушах — монотонный гул собственного страха.

— Твою-ю-ю же... — раздается слева. — Вы только посмотрите, ребят!

Сердце замирает. Язвительный и фальшиво-восторженный голос Глеба разрезает тишину.

— Наша крыска, оказывается, просто плохо мылась. Бес-тужева, в какой китайской бане тебя отпарили, и как попасть в очередь в эту парилку? Я бы попарился!

Кажется, все часы мира останавливаются. Взгляды — острые, любопытные, насмешливые — прилипают ко мне. Даже те, кто сидел на подоконнике, поднимают головы.

А я вижу только одно: оранжевый мяч в его руках резко перестаёт вращаться.

Дорогие, пожалуйста, оставляйте комментарии ## Любые, даже самые коротенькие! Я буду безмерно благодарна! Они очень нужны для книги, это напрямую влияет на место в огроомнейшем списке книг ##

Глава 3. Геометрия под прицелом

Аврора

Когда-то я наивно думала, что он сможет простить. Верила, что повзрослеет, забудет. Выплеснет накопленную злость, и я снова увижу того мальчишку, с которым делила мороженое и мяч. Но годы шли, а Фил лишь оттачивал свое мастерство быть придурком.

Теперь вместо веры и желания *заслужить* прощение внутри кипит ненависть к венценосному королю «Альмы». Чистейшая, горячая, как лава, ненависть. Она придает сил и храбрости, она заставляет задираать подбородок и смотреть прямо.

Ловлю миг — крошечную долю секунды, — когда темно-карие глаза расширяются. Но еще через секунду его губы сжимаются в тонкую полоску, будто Воронов запрещает себе говорить со мной. В ответ мои руки крепче сжимают лямки рюкзака.

В коридоре — напряженная тишина. Все ждут привычного спектакля: его язвительной реплики, моего покрасневшего лица, всеобщего смеха.

Фил молчит.

Пристальный нечитаемый взгляд медленно скользит по моим волосам, сканируя. Рассматривает не торопясь, останавливается на лице. Я впервые с пятого класса без очков и,

должно быть, это бросается в глаза.

Фил презрительно кривится, но не произносит ни слова. Пружина напряжения внутри вот-вот рванет, но я изо всех сил стараюсь держать спину прямо и не отводить взгляд. Пальцы впиваются в лямки рюкзака еще сильнее.

Он ведет себя не так, как раньше. Абсолютно не так. Что за бойня под названием «Моргни первым»?

Полина, видимо решив, что я так и осталась немой мышью, тут же подхватывает:

— Крашенная блондинка? — Девичий голос звучит слащаво-задумчиво, но я прекрасно знаю этот тон. — Ребят, как думаете, зачем она сменила гардероб?

Она делает театральную паузу, облизывая губы, как кошка перед тем, как съесть мышку. Хищно улыбается.

— Неужели жаждешь внимания? — Небольшой шаг вперед, ко мне. — Гугл-глазам его не хватало?

«Гугл-глаза». Так меня стали называть год назад. Зрение упало настолько сильно, что толщина линз была до абсурдности большой, даже с учетом того, что родители заказывали дорогущие линзы. А без очков я совсем ничего не видела.

Ребята усмеваются. Те, кто на подоконнике, снова возвращаются к своим учебникам. Все как обычно. Я молчу, хоть и репетировала миллион раз перед зеркалом.

«Крыса. Уродина».

Идите к черту!

Давай, Аврора, открой рот!

Ты не мышь!

— Заметили? Вы? — Спасибо, что голос звучит на удивление ровно, пусть и очень тихо. Но для первого раза очень даже хорошо. — Я лучшая выпускница параллели. Я единственная из гимназии получила грантовую стажировку в Пекинском колледже. А вы... просто вы.

О боже, мамочки... Боже! Почему вслух так ужасно?! Мысленно звучало лучше.

Наверное, я бы убежала сию же секунду, не дав им возможности осознать, как глупо и стремно вышло, если бы не открывшаяся дверь в кабинет математики.

Женщина средних лет в темно-синей форме преподавателя «Альмы», с закрученными в тугую узел русыми волосами сканирует нас цепким взглядом.

— Доброе утро, класс, — приветствует Ирина Константиновна. — Аврора, с возвращением в гимназию. Воронов, не начинай утро с выговора. Неси мяч в шкафчик.

Я перевожу дыхание, не веря, что впервые в жизни постояла за себя. Дала отпор. Пусть криво и не совсем так, как в своих фантазиях, но получилось. И небо не обрушилось мне на голову.

Геометрия проходит на удивление спокойно.

Знаете, это странное чувство — когда ты годами ждешь удара, напрягаешь плечи при каждом шорохе за спиной, а потом вдруг... Ничего. Тишина. Лишь скрип ручек и ровное

дыхание десяти человек, склонившихся над тетрадами.

Напоминаю себе не горбиться каждые пять минут.

Ирина Константиновна — за спиной ее называют Синусоидой за переменчивое настроение и изгибы тучной фигуры — выводит на доске формулу для вычисления объёмов многогранников. В Пекине мы остановились на телах вращения, так что придётся нагонять.

Цилиндр, вписанный в шар... Боже, где мне это пригодится, кроме уроков геометрии?

Я переписываю в тетрадь $V = \frac{4}{3}\pi R^3$. Ощущение горячего жжения между лопатками едва не заставляет подскочить. Ручка соскальзывает вниз, оставляя некрасивую полосу на листе.

Вздрагиваю и оборачиваюсь. Ничего. Только новенькая за соседней партой поднимает карие глаза:

— Что?

По классу пробегает волна сдавленного смешка.

Идиотка. Никто не будет играть с огнем в классе. Давай без паранойи.

— Н-ничего.

— Аврора, что-то не понятно? — Грудной чеканный голос разносится над головами. — Можешь задать вопрос, мы разберем подробнее. Вы дошли до темы объемов?

Мне не хочется становиться центром преподавательского внимания, поэтому вру. Я просто позанимаюсь дома и догоню ребят.

— Хорошо. — Ирина Константиновна садится за преподавательский стол. — Со следующей недели начну вызывать тебя к доске.

— А пока вспомни русский, — веселый голос Максима Разумовского звучит громче, чем голос математички.

— Вот ты сейчас и вспомнишь. К доске, Максим. И, будь добр, в следующий раз заправляй рубашку в брюки. На кого ты похож?

Макс игнорирует замечание о своем помятом внешнем виде: Ирина Константиновна полжизни ему их делает. Нарочно задевает мой рюкзак, заговорщицки улыбается и подмигивает.

— Выручай, а? В Китае же типа один за всех и все за одного?

— Максим!

— Простите-простите, — Разумовский вскидывает руки, превосходно считывая признаки ее меняющегося в худшую сторону настроения. — Соскучился по лучшей подружке. Может, мы на пару с ней ответим? Знаете, я просто обожаю парные проекты и все такое.

Я слушаю кривые объяснения Максима в пол-уха. Раньше Фил был тем, кто шутит, нарываясь, выходит к доске и забалтывает учителей. Но теперь его не слышно.

Мне же лучше.

Максим наконец-то соображает, как вычислить радиус шара, если известна высота цилиндра. Снова тишина и его

бубнеж. Снова неприятное ощущение, только теперь в затылке. Это не жжение, это что-то странное.

Сзади раздаётся тихий щелчок. Аккуратно оборачиваюсь, оглядываю опущенные головы и натыкаюсь на сидящего прямо ученика.

Фил развалился за последней партой. Ручка лежит на столе, словно он и не думает записывать решение.

Наши взгляды снова сталкиваются, как в коридоре. Его темно-карие глаза полыхают. В них нет привычной насмешки. Только обжигающий лед ненависти, уколы которого осязаю на своей коже.

Что ты так смотришь?

Когда я почти готова отвернуться, губы Фила трогает кривая ухмылка. Будто это он меня застукал на подглядывании, а не наоборот. Или будто он увидел что-то такое, что я сама в себе не замечаю.

Может, что-то не так с волосами? Линзами? Тушью?

Черт. Я снова в себе сомневаюсь Просто потому, что он криво посмотрел.

«Иди ты, знаешь, куда?»— мысленно бросаю и резко отворачиваюсь, но в груди рождается предательский холодок. Потому что эта тишина теперь кажется пострашнее издевок. Потому что я уверена: с ним что-то не так.

Глава 4. По-настоящему новенькая в 11«А»

Аврора

После первого урока у нас есть десять минут. Хватает, чтобы перейти из кабинета в кабинет, проверить, не забыли ли словарь, и мысленно подготовиться к сдвоенному китайскому.

В «Альме» классы маленькие, по десять-двенадцать человек, чтобы учителя могли уделять внимание каждому.

В моем 11 «А» классический для гимназии гуманитарный профиль с упором на языки, обществознание, факультативную экономику. Нас готовят для обучения на юрфаках, факультетах менеджмента и экономики, и, конечно, для МО*.

В 11 «Б» упор делается на естественные науки, а факультативно они часто занимаются в обсерватории и лаборатории. Многие выпускники уходят в медицину.

— Привет. Я Саша, — я стою у парты и раскладываю тетради, когда рядом материализуется улыбающаяся низенькая девушка с каштановыми кудрями, собранными в небрежную мальвину.

Это она сидела на геометрии сзади.

— Привет, я... Аврора?

Блин, что за вопросительная интонация в конце?

— Знаю. — Её улыбка становится шире, а я чувствую, как краска подступает к щекам. — Про тебя всю первую четверть рассказывали, — продолжает Саша, будто не замечая моего замешательства. — На уроках китайского твоё имя звучало чаще, чем имена тех, кто сидел в классе.

Ммм. И что теперь говорить?

— Ты что, стесняешься? — Саша швыряет тёмно-синий рюкзак на парту позади меня с таким размахом, что у Полины дергается глаз, а Арсений — еще один парень из нашего класса, — неодобрительно косится на нее.

Близняшки Оля и Лена переглядываются, явно оценивая новенькую по шкале «стоит ли тратить на неё яд». Я сжимаю пальцы в кулаки, ожидая привычного сценария — насмешки, перешептываний. Но они и слова ей не говорят.

— Есть немного, — признаюсь, глядя в тетрадь. — Я просто... Не умею знакомиться.

Звучишь, как умственно отсталая, Ава.

— И не надо. Я сам... — начинает Саша, но её перебивает громкий хохот.

Дима Юсупов вваливается в класс — безупречный, будто сошедший с обложки глянцевого журнала. Угольно-черные волосы уложены волосок к волоску, рубашка отглажена так, что, кажется, уголки воротника способны порезать пальцы, а лоферы блестят, словно только что из коробки.

Он толкает Филя под ребро, что-то весело бормочет, и Воронов отвечает ухмылкой — небрежной, уверенной в себе.

Фил — полная противоположность друга.

Если Дима выглядит на свои восемнадцать, то Воронов кажется второкурсником, затерявшимся среди школьников. Медные волосы растрепаны, будто он только что снял капитанскую бейсболку. Закатанные рукава рубашки и несколько кожаных браслетов на запястье дополняют образ бунтаря. И, кажется, у него сверкнула сережка в ухе.

Он мог бы сойти за хулигана из сериала про элитный колледж с этой своей ухмылочкой: «Я знаю, что ты боишься».

Дима сворачивает между партами и врезается плечом в Сашу.

— Придурок, — она шипит ему в спину, на что он демонстрирует ей средний палец.

Фил идет следом, не глядя по сторонам, словно мы с Сашей — невидимки. Я только успеваю поверить, что он просто пройдет, как шумный выдох над головой пускает от шеи до поясницы табун крупных мурашек.

— Брысь, — голос низкий, негромкий, но с фирменной интонацией капитана команды.

Надо же, как красноречиво!

Сглатываю страх, разворачиваюсь и смотрю ему в глаза. Один Бог знает, каких сил мне это стоит.

— Вам что, места мало? — Вскидывает брови Саша, не отступая. — Обходи за дружкой!

Фил мастерски игнорирует ее. Не удивлюсь, если в его парадигме мира вообще не существует никого, кроме его сви-

ты и команды. И меня: мячика для битья.

— Ты можешь обойти, — шепчу, чувствуя, как горло сжимается. За то время, что мы не виделись, он стал выше. Шире в плечах. Приходится слегка запрокидывать голову назад, хоть я и не из назких девчонок.

— Ты можешь сдвинуться, — он нависает, как тень, понижая голос до предупреждающего шёпота.

Едва заметная презрительная улыбка. Взгляд, прожигающий насквозь. Дурацкие рыжие локоны на лбу. Но ничего ужасного не происходит, и я готова послать, когда он вдруг использует запрещённый прием.

— Отходи, Аврора, — цедит сквозь зубы. — Не глупи.
«Аврора».

Я не могу сказать, что это что-то новое.

Со мной поступали хуже, чем просто смотрели с презрением: все эти уничижительные прозвища, пролитая на тетради замазка, толкания в спину, жеванные комки бумаги в волосы. Но сейчас... Мое имя звучит ужасно. Лучше бы не вспоминал.

Я падаю на стул, уступая. Воронов довольно ухмыляется и дефилирует к своему месту, оставляя меня с лицом, горящим от стыда. Оказывается, мало просто изменить внешность. Оказывается, я всё ещё трусиха.

Почему я так поступила? Что бы он сделал?

Ничего, наверное. Может, толкнул бы на этот стул. Может, по привычке скинул бы учебники с парты. Может, ска-

зал бы что-то в духе слов, которые звучали в тот день, когда он перешел черту.

— Саша, я... — голос предательски дрожит. Может, ей лучше держаться от меня подальше?

Девчонка машет рукой, откидывая каштановые кудри.

— Не парься. Я новенькая, но не глупенькая. В прошлом году выиграла всероссийскую олимпиаду по китайскому, долго не могла поверить в это. А летом мы подали документы в «Альму», я прыгала от радости, и вот я здесь. Хочу после экзаменов поступить куда-то на бюджет, но еще не знаю куда. А еще я в восторге от вашего бассейна и библиотеки. Вот и познакомились, да?

Потом закатывает рукав — на запястье вытатуирован крошечный иероглиф «удача».

— Ух ты!

— Я тоже немного отщепенец, — пожимает плечами Саша, будто говорит о чём-то неважном. — Дима, Фил, Макс, Глеб и Арс идут к чёрту. Полина и её подпевалы тоже. Я вообще не люблю спортсменов и их фанаток. Остаёшься ты и я. Будем держаться вместе?

Она протягивает руку.

— Согласна. — В ответ сжимаю её пальцы, а в груди на смену холодным щупальцам одиночества и тревоги приходит ощущение тепла и чего-то такого, что и не думала испытать в школе.

Я не одна.

Улыбаюсь, даже осознавая, что это только начало. Чувствую, что Воронов смотрит, но знаю, что маленькими шажками буду и дальше учиться давать отпор.

День пролетает слишком быстро. Компания звезд нас не трогает: кажется, они почему-то побаиваются Сашу. Она первая стипендиатка в нашем классе, но ее социальный статус не обсуждают в грязных разговорчиках. Либо делают это очень тихо.

Девчонка оказывается неугомонным энерджайзером. Когда показываю фотографии Пекина, она едва не подпрыгивает на месте и засыпает вопросами.

— Ты ела их стритфуд? Ну как, правда остро? А Великую стену видела? Правда впечатляет?

Я жду стычек, готовлюсь, но ничего не происходит.

Что-то меняется.

Что-то еще, кроме моего внешнего вида и его внезапной отстраненности. Это что-то витает в воздухе, искрится напряжением и зовется затишьем перед бурей. Это что-то воплощается в записке, подброшенной в учебник на большой перемене.

«Ты все еще уродина. Думаешь иначе? Посмотри в зеркало».

После уроков вижу, что на внутренней стороне дверцы моего шкафчика на скотч приклеен грязный осколок разбитого зеркала. Похоже, это объявление новой войны.

**МО - международные отношения*

Дорогие, приглашаю вас в книгу Димы и Саши "Новенькая"

Успевай прочитать бесплатно тут: <https://litnet.com/shrt/jyWF>

И приглашаю в горячую, летнюю, острую историю родителей Авы: "Люблю тебя, девочка" (СТРОГО 18+)

ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/8HWm>

Глава 5. Свинцовый мяч

Филипп

Сжимаю мяч так, что пальцы немеют. Синяя форма пропитана потом, повязка на лбу — тоже. На губах — соль.

Школьные тренировки — детский сад по сравнению с «Легионом».

С этого года я состою во втором составе лучшего клуба Питера, и теперь знаю, что такое настоящий ад. Там не жалуют. Там заставляют рвать жилы, пока не вырвешь победу зубами.

«Победа не главное» — девиз слабаков, неприемлемый в профессиональном спорте. А я собираюсь связать с баскетболом всю дальнейшую жизнь.

Я родился с мячом в руках. Но сегодня мяч впервые тяжел, как свинец.

Швыряю его в кольцо — бам! — отскок от щита, ловлю на лету, снова бросок. Снова мимо. Чёрт. Приехали.

Я не попадаю.

Глеб — Халк под кольцом — ухмыляется. В серых глазах читаю: «Воронов, ты сегодня дерьмо». Он кричит что-то о том, что мне пора уйти в чирлидинг, но я не успеваю послать его.

Свисток тренера режет воздух.

Первое упражнение: ведение.

Я веду мяч на полном автомате, безуспешно пытаюсь сосредоточиться на игре. В этом спортзале я могу двигаться вслепую. Перед глазами против воли — девичье лицо.

Она сегодня смеялась с Абрамовой. Показывала что-то в телефоне, болтала без остановки. Вела себя так, будто действительно *изменилась*. Просто тема номер один в первый день после зимних каникул!

Я один не заметил изменений? Хотя нет, вру. Кое-что заметил, и никак не пойму, на кой хрен она это сделала. Но спрашивать не собираюсь.

Зато собираюсь поговорить с Максом. Разумовский подкатил к ней на большой перемене, а она — что? Не отодвинулась. Так и сидела на своем говняном подоконнике. Вместе с новенькой Абрамовой.

Макс предпочел тереться вокруг них, на что Полина закатила глаза и предложила не приглашать его на вечеринки. Проблема в том, что с этого года я добровольно отдал пальму первенства Разумовскому, поэтому все тусы устраивает именно он.

Юсупову вся эта школьная дичь не сдалась так же, как и мне. Поэтому, да — Макс. Новая звезда класса.

Стоп, ЧТО?! Я реально сейчас подумал о том, что собираюсь наехать на Разумовского из-за нее?! Из-за ботанички?!

— Воронов! — Генералов орёт так, что звенит в ушах, но хоть от мыслей отвлекает. — Ты что, не спал ночью?

Нет, прикиньте, не спал.

Вместо сна — рожей в подушку. Вместо сна — репетиция извинений. Я собирался пойти на мировую, да.

«Аврора, я...»

«Аврора, давай...»

Ей не вперлись мои извинения.

Да что все мысли сводятся к Бестужеовой?!

Ускоряюсь, бью по мячу с такой силой, что отскок от пола оглушает зал. Прохожу между защитниками, пасую на ходу Юсупову — идеально в руки.

Новенький центровой — Влад из параллели — смотрит на меня как на психа. Десятиклассники — пятеро новых ребят для смен — застыли с открытыми ртами.

— Мастер-класс окончен! — Кричу им, чтоб перестали тарашиться.

Второе упражнение: штрафные.

Мяч снова в моих руках.

Она сняла очки и распустила волосы. И что? Это делает её другой? Это делает её лучше? Идиоты. В очках она была самой собой, а теперь они достойны лицезреть только маску.

Она стала слабее. Спряталась. Как, впрочем, и *в тот раз*. Потребовалось много лет, но я доказал себе один важный факт: она может только прятаться.

Бросок. Мяч пролетает мимо. Соколов ржет как конь.

— Так может все же в чирлидеры? За что тебя взяли в «Легион»?

Не отвечаю. Сжимаю кулаки, пока ногти не впиваются в

ладони.

Третье: игра на вылет.

Тренер ставит меня против Глеба. Вот она какая, возможность выплеснуть раздражение.

— Давай, Воронов, покажи, на что способен, — глумится друг-идиот.

Жду свистка из последних сил.

Полина со сайкой старшеклассниц, переодетых в форму для тренировок, дефилирует мимо нас в сторону матов, по-дурацки подмигивая и трясая бело-голубым пипидастром, будто мы о чем-то с ней договорились.

— Вперед, касатики! — Сладким голоском тянет одна из близняшек (Оля? Лена? До сих пор не понимаю, как их вообще различают).

— Эй! — Голос Макса за спиной. — Девчонки, вы не думали, что пора расширить состав? Готов подогнать вам одну конфетку в кампанию! Она еще и умная, даст списать!

Максим никогда не умел держать рот на замке, а я... Я не особо хорошо справляюсь с негативными эмоциями.

— Разумовский! — Бас тренера звучит одновременно со взрывом злости в моей голове.

Я не думаю. Просто бью. Того, кто рядом, того, кто ближе. Локтем в рёбра — Глеб кряхтит. Отталкиваю его, вырываю мяч, лечу к кольцу.

Прыжок.

Удар.

Ес!

Ладонь сталкивается со щитом с таким треском, что кольцо дрожит. Я наклоняюсь, упираюсь руками в колени и пытаюсь восстановить дыхание, глядя в лакированный пол школьного спортзала.

Тишина на минуту оглушает всех. Даже девчонки затормозили. Так и замерли вокруг матов.

— Всё, Воронов, на выход! — Кажется, я заколебал сегодня нашего физрука, но плевать. — Будешь показывать свои психи в другом месте!

Не спорю. Просто машу всем и иду к двери.

Генералов явно недоволен тем, что не может вклеить мне неуд: в выпускном классе нет физры. А вот доложить предкам о том, что спустя полгода адекватного поведения я снова творю фигню, он точно может.

К черту.

К черту школу. К черту сегодняшние сплетни. К черту ботаничку.

Переодеваюсь за пару минут, хватаю спортивную сумку и ухожу.

Хочу выбить из головы жужжащие на подкорке мысли о том, что был идиотом, раз решил забыть прошлое и принести извинения. Хотел, да. А потом... Затупил, когда она утром продефилировала к двери кабинета, уверенно держа спину. Затупил, потому что охренел от ее задранного носа. Какие извинения, когда она смотрела на нас, как на дерьмо?

«Я – Аврора Бестужева, а вы... просто вы».

Какое заявление!

Выпали все.

Да какого дьявола не могу переключиться?!

Проблема в том, что я не могу не думать об извинении уже несколько месяцев. Это почти превратилось в паранойю, и я думал, что свихнусь до ее возвращения. Я, вашу бабушку, *готовился*.

С осени ждал ее возвращения. Нет, с августа. Ну, возможно, чуть раньше.

Ладно, окей.

Я понял, что переборщил, когда она оказалась на больничной койке с переломом.

Выхожу из гимназии на лютый на мороз. Пишу водителю, чтоб не забирал. Застёгиваю парку полностью, накидываю капюшон поверх шапки и, засунув руки в карманы, иду куда глаза глядят. Телефон вибрирует, и я на ходу проверяю наш чат.

Дима:ли что это было?

Макс:я всегда готов занять место, кэп. Если так достали касатики, скажи прямо, а не сваливай с тренировок с психом.

Глеб:вы две мамочки-наседки, серьезно.

Макс:завали.

Глеб: а то что?) Не позовешь меня на вечеринку, златовласка?

Дима:брейк. Тренер просит выйти из раздевалки и продолжить занятие. @Воронов, ждем тебя на следующей трене. Проветрись.

Филипп:@Юсупов, спасибо.

Прячу телефон обратно в карман.

*Не думать о том, что я до тошноты противен сам себе.
Не думать о том, что то, что я — слабохарактерное нечто в маске шута.*

Иду-иду-иду. Иду вдоль Крестовского проспекта черт знает куда.

Вспышка — я снова стою посреди дома гостиной, взбешенный словами отца.

Для тех, кто хочет узнавать новости раньше, наслаждаться артами, видео и закулисными диалогами, мой ТГ "твой автор, Лисса Джонс"

И, пожалуйста, не бойтесь оставлять комментарии, делиться переживаниями, добавлять книгу в библиотеку и просто писать автору!##

Глава 6. Из-за тебя

Филипп

Прошлый год. Май, 31.

— Это полная дичь! Ничего отстойне...

— Как ты разговариваешь с матерью?!

Отец впервые за семнадцать лет настолько взбешен моим поведением. Нет, последний год он периодически строил из себя праведника и пытался накинуть на меня поводок, но сегодня...

— Ты проведешь смену в лагере для кадетов. Если не поможет, то две смены. — Мать лучше папаши умеет держать лицо и эмоции под контролем, но и ее руки сжаты в кулаки, а зеленые глаза мечут молнии. — Это уже не шутки, Филипп! Ты хоть представляешь, что я чувствовала, когда Василиса пришла к нам со слезами в глазах! Когда я узнала, что ты под угрозой отчисления!

О боже! Снова-заново! Из-за ерунды раздули целый скандал!

— Вы че, наслушались историй психбольной? Да она наврала и Василисе Николаевне, и директрисе!

Черт, сопливая стукачка! Да я и пальцем ее не тронул!

— Я шутил! Прикольнулся! Из-за этой дуры запихнете меня тюрьму, да?! Из-за их ботанички отправите меня подальше от дома?!

— Прикольнолся, Филипп? — Медленно переспрашивает папа. — процитируй сам себя.

— Пап...

Он хочет, чтобы я сказал это при маме? Серьезно?

— Вперед. Расскажи нам эту веселую шутку, которую Аврора не оценила по достоинству.

Наши взгляды сталкиваются. Мы с отцом — две капли воды. Я его полная копия, так что вмиг осознаю, что да. Он ждет, что я скажу им то, что сказал ей.

— Кирилл... — голос мамы дрожит.

— Нет, пусть скажет.

На слабо берешь, пап? Очень зря.

— Я предложил ей опуститься предо мной на колени, — тихо, сквозь зубы, но отчетливо.

— Не слышу.

Окей. Скажу погромче. Слово в слово.

— Я предложил ей отсосать у меня в туалете, раз уж ей сняли брекеты. При всем классе.

Мать с шумным выдохом закрывает глаза. Челюсть отца сжимается.

— И тебя ничего не смущает?

Что они хотят от меня услышать? Что я сожалею, что мне стыдно, что я... что? Нет, мне не стыдно. Я не тронул их драгоценную дочку друзей, я просто немного сыграл с ней в обмен любезностями. Ее способность становиться центром внимания глупых шуток и неспособность им противостоять

— не моя забота.

Мне давно уже пора сваливать: мы с парнями договорились встретить первую ночь лета на тусовке в пентхаусе Макса. Из нашего пригорода без водителя до центра пиликать и пиликать.

— Ты поедешь в этот лагерь. А если не одумаешься, будешь заканчивать не гимназию, а военную академию. — Выносит вердикт отец, совладавший с гневом. — Подумаешь там о жизни и о том, что ты от нее хочешь, раз дома тебе не думается.

Вот, значит, как. Мой отец — Кирилл Воронов — решил занять сторону доченьки лучшего друга, а не родного сына. При том, что — я уверен на все сто — он был таким же.

— Прекрасно! — Я чувствую тот же самый гнев, что минуту назад легко считывал с глаз отца. — Поздравляю! Ты стал как дед! Спорим, когда он упекал тебя в тюрьму, говорил тоже самое?

Мама окончательно теряет дар речи от того, что я ляпнул. Дед — одно из малочисленных табу в нашей семье. Папа закидывает ногу на ногу и откидывается на спинку стула, глядя на стоящего напротив меня.

— Отлично, попытка хорошая. Но я не изменю решение. В этом году ты стал неуправляем. Это финал, капитан.

Клянусь, я готов разнести гостиную к херам собачьим. Запустить мячом в окно уж точно.

— Скажи ему, мам! Это последние летние каникулы в мо-

ей жизни!

— Я не таким молодым человеком тебя растила.

— Знаете, что?! Зашибись! — Подхватываю рюкзак, валяющийся у дивана, и закидываю на плечо. — С удовольствием три месяца не буду смотреть на ваши лицемерные рожи!

Дверь хлопает за спиной с таким грохотом, что, кажется, треснула штукатурка. Я мчусь вперёд, ослеплённый яростью, и врезаюсь во что-то мягкое, по-девчачьи пахнущее сладкой ватой.

Ты.

Маленькая доносица.

Она шарахается, будто я — чумной. Глаза за очками — круглые, испуганные.

А меня клинит от одного ее вида.

— О, кака-а-ая встреча! — голос хриплый, будто я бежал километры, хотя ушел на пару метров от дома. — Мисс «я расскажу всё мамочке и папочке».

Она делает небольшой шаг назад. Я — размашистый шаг вперёд.

— Дай пройти... — дрожащий шёпот едва слышен.

Мне хочется задушить ее, и сила желания ослепляет. Я зол на отца, мать, тупоголового Глеба, подначивающего пошутить над ней последний раз в году. На нее, осмелившуюся открыть рот на Соколова, что и усугубило ситуацию. Она сама спровоцировала это говно.

— Почему надо было отвечать ему?! Почему надо было реветь, а?! — рычу я. Голос вибрирует, как перегретый мотор. — Что, мать твою, ужасного было в замазке на пиджаке?! Что страшного было в пустых словах?!

— Мне нужно дом...

— Из-за твоего стукачества меня закроют в военке! — Баста. Я срываюсь на крик. — Без телефона, тусовок и баскета! Я буду ходить по струнке! Из-за тебя!

— Я не говорила... так получилось...

Врунья.

Хватаю её за локоть — тонкий, хрупкий. Другой рукой она прижимает к груди какие-то тетрадки.

— Знаешь, что? Ты заварила — ты и расхлебывай! Пойдём!

Ее кожа под моими пальцами покрыта мурашками, холодная, такая нежная, что точно синяк останется. Плевать.

— Куда?

— Будешь всем рассказывать, как я «искренне извинялся»!

— Не буду, — она вся сжимается, смотрит вниз, но голос неожиданно крепнет. — Я не буду врать.

— Чего?!

— Может, тебе действительно стоит побывать в этом лагере. Подумаешь, почему все твои шутки — за чужой счёт. За счет того, кто слабее.

«За счет того, кто слабее».

Красная пелена ярости от ее намека ослепляет. Я резко дёргаю её к дому, она спотыкается, но упирается.

— Пусти!

Я могу дёрнуть сильнее. Могу заставить её замолчать. Могу...

— Отпусти, Филипп!

— Да пожалуйста! — Резко отпускаю. Неосознанно толкаю.

Она падает. Назад, на асфальт. Кричит.

Кроваво-красное марево на глазах тает. Я вижу... все. Я вижу ее. Себя.

Нас. Повзрослевших.

Папка с бумагами разлетается, листы застилают асфальт, как белые перья. Я стою над девчонкой, дышу тяжело, сжимаю кулаки.

Она плачет. Прижимает локоть к телу и плачет. Очки сползают на кончик носа, она судорожно их поправляет и снова хватается за поврежденную руку. Черт. Локоть — хрупкая штукавина.

— Ава... — Не знаю, что сказать. Что делать? — Давай я пом...

— Уйди! — Отползает от меня по асфальту. — Оставь меня в покое!

Нужно наклониться и помочь. Нужно собрать ее бумажки, позвонить в «Скорую» или родителям, но я стою столбом и смотрю на трясущуюся от боли и слез девчонку, которую

когда-то защищал от таких же ублюдков, каким стал сам.

Когда-то это все уже было. Только у нее был я.

— Ава...

— Я ничего тебе не сделала! — Всхлип.

— Чёрт... — выдыхаю, отступаю. Запускаю пальцы в волосы, сжимаю пряди. Ощущение, что мне дали по башке битой. Судя по шуму, к нам бежит кто-то из соседнего дома.

— Уходи!

И я делаю то, что она просит.

Разворачиваюсь и бегу.

Быстро. Без оглядки.

Глава 7. Адское лето

Филипп

Прошлый год. Июнь

Профильная военная смена кадетского корпуса

Я в аду.

Серые одинаковые казармы — нет, простите, «комнаты в корпусе первого отряда». Шесть чужих рож, шесть пар носков, воняющих потом, шесть презрительных взглядов. Моё имущество — железная койка с тонким матрасом и трещащая по швам тумбочка.

Жизнь по графику без возможности шагнуть влево или вправо.

05:30 — подъём. 06:00 — плац. Мы маршируем туда-сюда, как заводные болванчики. 07:00 — зарядка. 08:00 — завтрак. Пресная овсянка, которую я ненавижу. Или гречка, если повезет. Или молочная лапша, если очень сильно повезет.

И так — каждый. Чёртов. День.

Я ненавижу этот лагерь.

Я получаю телефон два раза в день. Фотки Макса: яхта, девчонки, ночные игры в баскет на площадках в парках. Фотки Юсупова: все то же самое, только добавьте фотки всевозможных видов Питера. Рассветы, закаты, Невский, Финский и все в таком туристическом духе.

Полина спамит в личку. Безостановочный поток голосо-

вых, фоток, видосов. Кажется, она хочет что-то типа «встретаться нормально». Я закатываю глаза от раздражения, вальясь перед отбоем на кровати. Блокирую телефон, не желая больше видеть их довольные рожи.

Да и с Полиной не хочу... ничего.

Встречаться с Вильской точно не собираюсь, потому что, клянусь, она способна вынести мозг даже мертвому. Но сейчас меня меньше всего заботят сообщения от нее. Я впервые в жизни чувствую себя... не в своей тарелке.

Одиноким?

Если мне не с кем поговорить, это одиночество, да? Если кроет чувство, что меня выбросили за борт, тогда как на борту жизнь идет своим ходом, это одиночество?

Я даже не знаю, как зовут соседей по комнате. Просто в первый день не счел нужным запоминать. Я для них — залетный богатенький мальчик, которого папаша запихнул сюда для наказания. Они не трогают меня, я — их. Нам взаимно наплевать.

Я просто ненавижу. Все и всех. Но, оказывается, я был бы не против... Не знаю. Они — не Димас или Макс, но... Я был бы не против просто поговорить с кем-то.

Значит ли это, что я жалею? Да, вероятно. Мне жаль, что я не потрудился запомнить по имени хоть одного из них.

Все, о чем мечтаю прямо сейчас — взять мяч и выйти на плац. Не могу без баскета. Как без воздуха.

К концу первой недели до меня доходит один факт: я жутко посрался с родителями.

Наговорил им столько дерьма, что уверен: они не приедут в субботу. Я сужу по себе — я бы точно не приехал. А так как мы с батей — чистейшее «копировать-вставить», уверен, он бесится из-за моих слов. Че я там нес?

«Ваши лицемерное рожи... Это полное дерьмо... Ненавижу».

Сожалею о том, что говорил это при маме.

Атанасия Воронова-Нотт миниатюрная женщина с огромными глазами и каштановыми кудрями, завиток которых немного передался мне. Я стал выше мамы еще классе в восьмом. В девятом мог спокойно поднять ее на руки. В десятом вообще потерял ощущение того, что рядом со мной мама. Иногда люди думают, что мама — старшая сестра.

Я всегда знал, что, если кто-то что-то скажет плохое про нее, я убью его. Думаю, у меня это от отца. Думаю, во мне вообще все от отца.

Это странно. Временами будто смотрю в зеркало и вижу себя в будущем. Те же темно-карие глаза, тот же цвет волос, почти тот же высокий рост, хотя знаю, что буду выше. Те же черты лица. Тот же шумный, буйный характер. Но у отца все зашибись, он ничего не боится в отличие от меня.

У меня паничка от темноты из-за одной белобрысой трусихи. И в этом лагере... Я рад, что в комнатах мы спим не по одному. Иначе, клянусь, я бы не уснул.

Утро субботы живу в полной уверенности, что предки не приедут. Но в субботу меня, как и всех, навещает отец. С мой оранжевым мячом, на котором красуется автографом Андрея Кириленко.

Я стою как истукан, не веря своим глазам, когда папа проходит КПП и, широко улыбаясь, крепко обнимает.

Июньская жара накрывает лес тягучим маревом. В лагере, расположенном в сосновом бору, много тени — это спасает от духоты. В городе сегодня наверняка пекло.

— Полегче, капитан, — негромкий голос папы абсолютно лишен злости. — Ты похож на голодающего.

Мы сидим на скамейке далеко от основного корпуса. Я вгрызаюсь в шавуху, привезенную отцом.

— Так и есть вообще-то, — сказать внятно не удастся, но папа понимает.

— Я видел меню, Фил. У вас пятиразовое сбалансированное питание.

Папа протягивает пачку салфеток и холодную банку газировки. Черт, рай посреди ада. Я дожевываю, вытираюсь и наконец-то могу сказать членораздельно:

— Дело в не в том, что оно пятиразовое, а в том, что оно жесть какое правильное.

Папа в обычных льняных шортах и легкой бежевой рубашке. Он лениво крутит в руках мой мяч, искоса на меня поглядывая. Будто ждет чего-то.

— Да уж, трагедия, — кривая улыбка Кирилла Воронова отражается на моем лице.

Раньше я не особо парился над благодарностями и всем вот этим, считая, что предки по факту обязаны мне, как своему ребенку, но сейчас... Ну, он мог бы не привозить шаверму, так ведь? Но привез.

— Спасибо, — звучит криво, но папа улыбается шире, глядя на меня.

— Как дела? — Мяч летит мне в руки. Легло ловлю. Пальцы касаются рельефного материала, и табун мурашек по спине ползет от соприкосновения кожи и резины.

— Хреново, — усмехаясь, откидываюсь на лавку и лениво перебрасываю мяч из руки в руку. — Я не играю, ем каши и пресные салаты, пропускаю все летние тусы.

— Филипп. Как дела у тебя здесь?

— А что здесь? Здесь... временная клетка. Мне на них плевать. Ты думал, я за неделю найду себе друзей на всю жизнь?

Мы оба молчим пару минут, слушая шум деревьев и крики вожатых где-то вдали.

— Не хочешь спросить, как мама и почему ее нет?

Мяч падает на землю, я быстро ловлю его и кладу рядом с собой. По другую сторону отца.

— Да. Да хочу, просто... прости. — Не пойму, за что именно извиняюсь, но выходит само. И уже не так неловко. Звучит очень правильно.

Папа молчаливо вскидывает бровь (и как он это делает одной бровью?) и ждет.

А, ну да. Я ведь так и не спросил.

— Как мама? — Делаю вид, что недоволен тем, что пришлось озвучить, но улыбаюсь.

— Мама часто сидит с Авророй.

Блин, он меня сделал. Подвел-таки к этой теме.

— Оу. А...ну...

— Потрясающая формулировка. Почему мама так делает? Или что с Авой?

С одной стороны меня немного раздражает тот факт, что он меня подталкивает, как умственно отсталого. С другой — я благодарен ему за это. За то, что он формулирует и озвучивает мои мысли.

— И то, и то.

Я хочу и не хочу знать это одновременно. Странное ощущение. Вообще странное ощущение сковывает внутренности, когда звучит ее имя.

— Аврора сломала руку. Закрытый перелом предплечья. Они с твоей мамой и Василисой Николаевной улетели на две недели в их шато. — Папа замолкает на несколько секунд, а потом продолжает гораздо тише. Строже. — Аврора считает себя уродиной. Не знаешь, почему?

Мы молчим. На этот раз долго. Отец больше не дает подсказок.

— Я не... — прочищаю горло от хрипоты. — Это не спе-

циально. Ну, понимаешь... Я просто... Она носила очки и пластинки на зубах, и я разок сказал... Слушай, это была вдвоенная физра в восьмом классе. Оба класса подхватили. Что мне нужно было делать? Если она не может за себя постоять, вечно заикается и боится каждого шороха — это не моя вина. Понимаешь?

Я обещал ей, что она узнает, какого это — бояться панически сильно.

— Не понимаю. Я не понимаю таких, как ты, Филипп.

— Как я?

— Когда я узнал, что ты травил Аврору, я вспомнил себя.

— Во-первых, я не травил, во-вторых... Еще бы ты не вспомнил себя. Я просто... Зло посмеялся.

— Нет, Филипп. Я вспомнил себя не из-за тебя, а из-за нее.

Солнце пробивается сквозь ветви, рисует на земле клетчатый узор — как баскетбольная площадка. Папа смотрит вперед, куда-то за деревья. Он выглядит расслабленным, но немного потеряннным.

— В начальной школе я был рыжим увальнем. Толстой задницей. Козлом отпущения.

Вот это жесть. Стойте, нет, не так. **ВОТ ЭТО ЖЕСТЬ.**

— У папаши с военной выправкой и у мамыши с царским носом — такой гадкий утенок. И так как я был мальчишкой, а дети были гораздо более жестоки, меня избивали не только словесно. Мне было одиннадцать, когда Вик заступился.

До одиннадцати лет друзей у меня не было. Я знаю, что это такое — когда кто-то плюет тебе в волосы жеваную бумагу или ворует одежду на физре. Я изменился как раз в возрасте Авроры. Лет в шестнадцать. Таким, каким ты меня знаешь, я был не с рождения.

Мой отец.

Кирилл Воронов.

Человек, которого уважает все бизнес-сообщество Петербурга. Владелец сети знаменитых видовых ресторанов. Бывший владелец легендарного «Койота». Человек, который знает всю грязь о личной жизни политических игроков, был... слабым?

— Ты... не дрался?

Я не его копия? Я всегда... Я восхищался и был уверен, что я как он.

— Убегал. Прятался. В первом классе лил слезы в туалете. Если бы мой отец узнал, что его сын слабак... — Папа резко замолкает. Обрывает себя на полуслове.

Он выдыхает. Я впервые вижу его таким — не сверкающим улыбкой. Не.. ну, знаете, не притягивающим взгляды Кириллом Вороновым, а каким-то сломанным. Другим.

Когда папа переводит тяжелый взгляд на меня, во мне тоже что-то ломается. С хрустом. Возможно, это мой хребет.

— Когда я узнал подробности о твоём поведении, я вспомнил себя на ее месте, а не на твоём.

Я — те хулиганы. Те, кого он ненавидел. Те, кто избивал

папу. Я мечтал быть как он, а стал его противоположностью.
— Пап...

Глава 8. Разбитое зеркало

Филипп

После разговора с отцом хожу, как пришибленный, почти неделю. Меня выводит из состояния анабиоза случай, который я не должен был увидеть. Но я вижу, так как во время тихого часа дежурю в столовке.

Это происходит в туалете.

«Старшие» из моего отряда загнали пацана из третьего в туалет. Худой, очкастый, как она.

— Спой! — Орут, тыкая ему в лицо телефоном. — Ты же мечтал о славе?

Он захлёбывается соплями, бормочет, что не умеет. Они ржут.

Я стою в дверях с ведром грязной воды. Вижу себя — кривую рожу, оскал, тот самый, что был у меня, когда я заливал чернилами тетради Авроры, когда ее закрывали в мужском туалете.

— Тебе че надо? Вали, куда шел! — Кричит один из них, и я узнаю в нем соседа по комнате.

Плевать. Не мое дело.

Я не собираюсь искать здесь приключения на зад. Но каким же отстоем я себя ощущаю. В этот вечер меня тошнит.

С этого момента мне снится один и тот же сон.

Аврора стоит у огромных окном нашего спортзала. Я

бью по ним мячом. Они трескаются, но не разбиваются. Она молчит. Смотрит и молчит. Мяч в моих руках. Я собираю ударить еще раз?

Я просыпаюсь с ощущением, будто проглотил стекло.

Утро. Построение. Кадет из второго отряда спотыкается, роняет винтовку. Первый отряд — мой отряд — ржёт. А я вдруг вспоминаю, как кричал Авроре в лицо: *«Ты даже ходить не умеешь!»*

Меня снова тошнит. Я не хочу быть в этом отряде. Я не такой, как они.

Я осознанно вызываюсь стать дежурным в столовке. Осознано иду в туалет в тихий час с ведром помоев. Осознанный выбор. Это не геройство — я не чувствую себя героем. Хотя всю школу носил корону.

Орлов и его шавки прижали очередного очкарика — нового мальчишку из третьего отряда. Тот прикрывает лицо руками, по рукаву струйкой течет кровь из носа. Это ту мач.

Я тихо прошу их отвалить.

— Слушай, мажорчик, не лезь. Это стукач, ясно тебе? —

Отвечает Орлов. Тот самый из моей комнаты.

«Ты стукачка, Аврора».

— Отвали от него, — цежу сквозь зубы, даже не глядя на ноющего паренька. Мне плевать на него, просто... Я просто хочу не быть, как они.

И когда Орлов демонстрирует мне средний палец, я пере-

ворачиваю на его башку ведро с отходами.

Мертвая тишина.

— Ты совсем берега попутал, мажор непуганый?!

Драка. Первый удар — прямо в челюсть. Чувствую острое тепло на щеке и металл на языке. Трое на одного. Это больно. Но, как оказалось, не смертельно.

— С победой, кэээп!

Через неделю после драки Макс налетает на меня, словно торнадо, сжимая в объятиях так, что хрустят рёбра. Его белокрысы волосы лезут в рот.

— Задыхаюсь, придурок! — Хриплю, но улыбаюсь, пытаюсь вывернуться из его медвежьих лап.

За спиной Макса стоит Дима — в безупречных белых кедах, с лёгкой ухмылкой. Спокойный, как всегда.

— Привет, легионер, — он кивает, протягивая руку, я отвечаю на рукопожатие. И тут до меня доходит.

«Легионер».

Да ну нафиг! Не может быть.

— Шутите? — Недоверчиво оглядываю парней, пока они с улыбками переглядываются. Дима достает телефон, проводит пальцем по экрану и разворачивает мне.

Официальный сайт «Легиона». Утвержденный список новых членов второго юниорского состава.

— Ты даже не проверял, да? — Разумовский улыбается так широко, будто сейчас лопнет.

Мне восемнадцать в декабре будет. Значит, родители в курсе. Они дали согласие! Определенно, это лучший день лета! Будь я на свободе, закатил бы тусу, катался бы всю ночь по Неве!

— Мы зато каждое утро проверяли, — удивляет Юсупов. — Сегодня только новости появились, Макс напряг шофера отца. Мы к тебе сразу рванули.

— Тут еще... — Максим протягивает термосумку. — Вот короче. Типа от касатиков.

Я распаковываю — и накрывает волна безудержной, такой колоссальной радости, что сбивает с ног. Двойной бургер с беконом, картошка фри с сырным соусом, шоколадный молочный коктейль (да-да, моя слабость).

— Вы... — я даже не знаю, что сказать. Комок в горле. Чувства бурлят хлеще, чем если бы запустили фейерверк с гидроцикла. Макс хлопает меня по спине.

Мы просто усаживаемся на скамейку у КПП и едим. Оказывается, парни набрали тонну всего. На троих лбов хватит.

— Чем вас здесь кормят? — Макс жует, забыв обо всех правилах приличия. Отвечаю, он вытрет пальцы о свой розовый поло с дебильным принтом. — Ты будто еще выше стал.

— Не спрашивай.

— А че за синяк на табло?

Видели бы они меня неделю назад.

— Про это тоже не стоит.

— Ты так и не сказал, за что ты тут? — Дима ест аккуратно.

нее, чем мы. И, как всегда, задает те вопросы, которые я не готов обсуждать вслух. Признаться самому себе в том, что ты урод — одно дело. Признаться перед парнями из команды, для которых я капитан — другое. Они не поймут, почему вдруг я «размяк».

Или... Черт, правда, я не знаю.

— Ну... — делаю вид, что увлечен фри. — Я сказал, что у родителей лицемерные рожи.

Дима, в отличие от Макса, перестает жить. Выпрямляется и смотрит на меня не мигая. Завис либо?

— Ты чего?

— И тебя просто... отправили в детский лагерь? — Он опускает взгляд на траву и невнятно бормочет. — Если б я такое отцу сказал, он бы меня прибил.

Я давно знал о том, что Юсупов-старший — скотина. Но не задумывался о том, что творится за закрытыми дверями их квартиры. В памяти всплывает момент, как папа осекся, говоря про деда.

«Если мой отец узнал, что его сын слабак...».

Не смотря на тридцатиградусную жару по коже пробегает мороз. Я откладываю еду на скамейку.

— Дим, слушай... Если ты... Если тебе нужно...

— Неважно. Забей.

— Так, чет вы приуныли, — Максим отряхивает белые шорты и подхватывается на ноги. — Может послать водителя за выпивкой для веселья?

— А он предкам не спалит?

— Я на лето к отцу переезжаю же, — он жмет плечами и бросает взгляд на припаркованный белый Порш. Голос сочится ядом. — Он мне водилу выдал, а сам плевал с высокой колокольни. У него новая любовница, с прицепом. Они свадьбу, кстати, собираются играть. Так что поздравьте, у меня будет сестра!

Я киваю. Не могу выдавить ни слова. Ощущая стыд за то, что мои предки на фоне выглядят просто идеальными. Да не. Они у меня реально идеальные.

От идеи напиться в лагере отказываюсь, но мы уламываем руководителя смены пустить нас покидать мяч на старой площадке. К нам просится тот пацаненок из третьего, из-за которого я получил по фейсу. Играет он отстойно, но со мной в команде. У Димаса и Макса нет шансов — за лето они расслабились.

Только когда наступает закат, ребята уходят. Машут из машины. Стою со стаканом коктейля в руках и понимаю — это и есть настоящая команда.

Не брошу «Касаток» ради «Легиона». Вывезу год на две команды. А пацаненок смотрит на меня с какими-то звездами в глазах и просит научить его играть.

Парк. Поздний вечер.

Прихожу в себя, как после нокаута — медленно, болезненно. Губы дрожат, пальцы посинели от холода, но в голове

— ясность, которой не было месяцами. Ясность, которой не было до ее возвращения.

Я — Филипп Воронов. Будущий атакующий защитник «Легиона». Капитан «Касаток» — тех самых, что разорвали соперников в финале кубка школ. Выпускник, у которого вся жизнь впереди.

А она никто. Просто фон.

Я больше не злюсь на нее, не храню сопливую обиду и не взращиваю в себе ненависть. То, что произошло в детстве, пусть там и останется. Настала пора двигаться дальше.

Она абсолютно мне безразлична. Пусть делает, что хочет. И с кем хочет.

Только вот при одной мысли о том, как Разумовский подкатил к ней, прошибает такая злость, что хочется проломить ему башку.

Глава 9. Ее маленькая тайна

Аврора

Горячий шоколад тает во рту. На планшете мелькают субтитры китайской дорамы о мести, любви и кулинарии. На столе потрескивает свечка с ароматом сладкой ваты.

Свожу конспекты по китайскому для последнего школьного проекта. Выделяю маркерами основные блоки, приклеиваю цветные стикеры к страницам.

Январь, который еще недавно пугал до чертиков, уже за спиной. За окном волком воет метель. А у меня тут спокойно.

Спокойно не так, как в Китае — весь семестр провела в оцепенении, в ожидании возвращения. Теперь чувствую настоящее спокойствие.

Месяц прошел именно так — умиротворенно. После того случая у парты Филипп больше не подходил. Не пытался задеть, высмеять или унижить. Они с Юсуповым вообще ведут себя так, будто им не интересна школьная жизнь. Часто пропадают на переменах.

Мама сказала, что Филу запрещено ко мне подходить.

После прошлогоднего скандала пошли слухи о буллинге в элитной школе. Нет, избиений, жестких разборок или чего-то подобного у нас не было, потому что детки богатых родителей считают применение физической силы маргиналь-

ным методом выяснения отношений. Нас учат другим видам демонстрации превосходства.

Дети из младших классов стали рассказывать родителям о бойкотах и травлях. Это нанесло ущерб репутации «Альмы»: теперь в коридорах повсюду камеры. Кабинеты тоже постепенно оснащают.

Филу грозило отчисление. Директриса и Кирилл Андреевич запретили ему контактировать со мной — это его условие пребывания в «Альме».

Порой чувствую его взгляд в спину на уроках. Иногда тайком оборачиваюсь и вижу, как он просверливает дыру во мне. Одному дьяволу известно, что творится в этой рыжей голове.

Но больше Филя не слышно и не видно. Его место занял Разумовский. Максим вообще в этом году звезда выпускных классов. Он счел своим долгом «социализировать двух заучек», а потому постоянно зовет нас с Сашей на свои тусовки.

Саша как-то обмолвилась, что хотела бы побывать на одной из вечеринок, но не может. При попытке поговорить об этом она отмахнулась и закрылась.

Саша Абрамова — взрывной коктейль контрастов, находка для психолога. Она острая на язык, смелая, бойкая, но... Иногда замечаю, как она висит в пространстве. Смотрит в одну точку, а потом отмирает. Она избегает разговоров о семье, сколько бы я не пыталась начать узнавать ее ближе.

Без понятия, зачем ей я, но бесконечно благодарна все-ленной за то, что Саша рядом. Надеюсь, она со временем сможет оттаять. А я смогу ей помочь.

Но даже в бочке меда осталась ложка дегтя: насмешки со стороны Полины и анонимные записки. И если Полине я учусь отвечать (а Саша учится сдерживаться и не лезть к ней с угрозами вырвать волосы), то послания становятся все более тревожными.

«Жаль, что ты так и не растворилась в небытие, крыса. Нам всем было бы намного спокойнее».

«Ты действительно думаешь, что, сняв очки, перестала быть уродливой? Смешно. Ты – невзрачная крыса. Жаль, я больше не могу сказать тебе это в лицо. Но, возможно, если ты подойдешь ко мне первая... Буду ждать».

От текста веяло ненормальностью, но никто в классе открыто ничего не говорил. Опять же, Полина с её колкостями в основном проезжается по внешности, но как-то безобидно.

Я не верю, что Воронов опустился до того, чтобы пугать меня анонимками, но когда-то я не верила и в то, что Филипп Воронов может быть моим врагом. Он успешно доказал, какой наивной дурочкой я была. Опасно верить в хорошее и светлое в человеке.

Если это снова Филипп... Клянусь сама себе, он пожалеет. Ни один парень больше не тронет меня. Не посмеет напугать.

Заканчиваю домашку, и все школьные разборки отступают на второй план. Меняю очки на линзы. Завтра занятие по

вокалу. Хочу предложить Марии Федоровне кое-что новое. Совершенно новое.

Моя первая собственная песня.

Вожусь с кольцевой лампой дольше, чем планировала. Метель за окном стихает. Вечер плавно перетекает в ночь. Комната погружена в тёплый полумрак. Мягкий свет освещает спальню, книжные шкафы, синтезатор и меня.

Ставлю телефон на штатив перед синтезатором и включаю камеру. Экран загорается.

Все хорошо. Это просто репетиция. Никто не увидит.

Оглаживаю шелковую золотистую майку от пижамы, прохожусь пальцами по цепочке с подвеской в форме замочка. В своей голове выгляжу по-домашнему мило. Можно начинать.

— *Ты уйдёшь — мой мир расколется*

Напополам.

Блин. Первая же нота звучит слишком громко, слишком ненатурально — будто чужой голос. Пауза. Удаление.

Так, ладно. Я всегда смогу наложить маску, использовать эффекты и цветокоррекцию. Просто нужно немного поправить волосы и расслабиться.

Подхожу к синтезатору ближе. Нажимаю на запись и смотрю на клавиши. Может, это что-то не надрывное? Лиричное и нежное?

— Ты уйдёшь — мой мир расколется

Напополам.

Я останусь в тёмной комнате,

Где эхо твердит "Он все еще там..."

Не смотри в телефон. Пой дальше.

— Ты уйдёшь — и в рамке фото

Станет синим, как лёд.

Я научусь дышать медленно,

Но только наоборот...

Все, стоп!

Тянусь к камере, кликаю на красный кружок, снимаю телефон с крепежа. Волнительно. Запускаю запись и... Черт. Это ужасно. Это я?

Угловатая, неуклюжая, зажатая.

Медленно выдыхаю, пытаюсь объяснить себе, что с первого раза глупо ждать безупречного результата. Это проба пера. До конкурса несколько месяцев, успею подготовиться.

Приходят сообщения от Матвея. Телефон вибрирует, только вместо проверки писем я подхожу к окну. Хочется удариться лбом о стекло — и кто запретит? Легонько бьюсь

головой, повторяя сотый раз за месяц:

—Ты не уродина. Ты не уродина. Ты не уродина. Ты не ур... — шепот обрывается.

Алая парка горит в темноте, как сигнальный огонь. Jordan'ы оставляют чёткие следы на снегу. Что он делает на улице почти в полночь?

Лицо без детской мягкости. Только резкие углы, тени под глазами и что-то, от чего сжимается живот. Это несправедливо! Ужасно несправедливо, что такой, как он, обладает внешностью актера!

Мой личный ночной кошар поднимает голову, словно чувствует, что за ним наблюдают. Только вот я не ныряю за штору. Стою, не двигаясь. Сердце бьется так громко, что, кажется, он слышит даже там, на улице.

Что так смотришь?

Вижу, что он растерян, как и я. Смотрит снизу вверх. Губы приоткрываются, и молочное облако пара вылетает на мороз. Наверное, мне мерещится, но он словно что-то произносит.

Тонкое стекло потеет. Годы ядовитой ненависти никуда не делись, но в этот момент... *Память услужливо подсовывает другого Фила.*

Глава 10. Мой лучший друг – мой худший враг

Аврора

Лето после окончания 4 класса

Я чувствую счастье на вкус. Оно пахнет солнцем, припекающим в макушку. Летними каникулами и беззаботностью. Здесь, на этой старой площадке, еще пахнет горячим асфальтом, травой и морем.

Так пахнет только тут, на юге. Вдалеке виднеется отель родителей — огромный, белоснежный, с золотыми окнами.

Мы сидим на старой ржавой карусели, болтая ногами.

— Я тебя сделал!

Рыжий мальчишка рядом со мной подпрыгивает и торжествующе тычет пальцем в тающее эскимо. Его глаза — горячий шоколад с золотыми крошечными искрами — горят озорством.

Я фыркаю, пытаюсь быстрее съесть мороженое. Сладкие капли стекают на ладонь, оставляя липкие дорожки. Белое платье, в котором мама велела вести себя прилично, украшено травяными пятнами и следами от асфальта: мы с Филом только что носились по площадке, играя в футбол пустой банкой из-под «Колы».

— Давай-ка помогу.

Он резко наклоняется, и, прежде чем я успеваю среагировать, его зубы впиваются в мое эскимо, оставляя кривой полукруг. Я заливаюсь смехом и толкаю его в плечо, а он вытирает подбородок рукавом белой рубашки.

— Фу. Как ты их ешь? Почему не шоколадное?

Я показываю язык.

— Потому что шоколадное — гадость!

Нас точно будут ругать: его брюки порваны на коленке, а ладонь вся в царапинах после того, как он помогал мне залезть на старое дерево у ограды. Родители предупреджали: «Будьте аккуратны, вас ждет ужин с гостями», но когда Фил схватил меня за руку и прошептал: «Давай сбежим!», его глаза блестели так, что я просто не смогла отказаться.

— Ты видишь? — Он внезапно хватает меня за руку и кивает на небо. — Облако как дракон!

Я щурюсь, пытаюсь разглядеть, но вижу только бесформенное пятно.

— Ты, как всегда, выдумываешь, — не вижу дракона, но улыбаюсь. Фил поворачивается ко мне, и в его глазах что-то светится.

— Зато со мной не скучно.

В этот момент понимаю: когда Фил рядом, мир становится ярче. Обретает ясность, которую я сама почему-то теряю.

—Смотри, Ава. Мяч! — Его палец вытянут в сторону старого футбольного мяча, закатившегося под лавочку. Покрытый трещинами, с облезлым узором — будто ждал нас.

Фил срывается со скамейки, как торнадо, и через секунду уже крутит мяч на пальце, гордый, как циркач.

— Сыграем?

Я морищу нос.

— Опять хочешь выиграть?

У меня всегда получалось хуже — мяч то улетал в кусты, то бил мне по коленкам. Но Фил вдруг становится серьезным, как папа, когда что-то тихо говорит маме и подходит так близко, что я вижу золотистые ресницы вокруг его шоколадных глаз.

— Мне все равно, кто победит.

Его голос тихий, будто это страшный секрет. Пальцы сжимают мое запястье — липкое от эскимо, теплое от солнца.

— Давай, Ава. Я поддамся.

Фил никогда не поддавался раньше. Он ненавидит быть проигравшим — я точно это знаю.

Почему-то мое детское сердце стучит быстрее, как на уроках, когда вызывают к доске. Я не люблю отвечать перед всем классом у доски. Но сейчас мне приятно. Не страшно.

Мы идем к трансформаторной будке, и Фил показывает на облувленную стену, где висит пожелтевшая листовка.

— Вон туда бить будем.

Я щурюсь, пытаюсь вернуть листовке четкость, но не понимаю... Она расплывчатая. Либо это из-за яркого солнца, либо мое зрение стало хуже. Пора признаться маме, что в этом году я не видела ничего со своей третьей парты, но я оттягивала этот момент до конца лета: мы все равно перед школой пойдем по врачам.

— Давай поближе подойдем?

— Не видишь? — Его брови съезжаются к переносице. Я кусаю губу. Стыдно признаться.

— Расплывается.

Фил берет мою ладонь и прижимает к ней мяч — шершавый, теплый. В моих руках мячик, в его руках — мои руки.

— Эй, не бойся. Мы же вместе, — в этот момент его улыбка светится ярче, чем полуденное южное солнце. — Все будет хорошо.

Это были самые счастливые моменты моей жизни. Мы закончили начальную школу бок о бок, впереди маячил пятый класс, но наше лето, казалось, не закончится никогда.

Если бы я знала, к чему приведет его желание поиграть, ни за что на свете не согласилась бы. Но в то время я просто поверила в его слова. Поверила, что рядом с ним мне нечего бояться.

Фил сдержал слово, но дорого за него заплатил.

Застываю, глядя на то, как лихо водитель залетает на пар-

ковку. Дядя Женя выходит, они с Филом жмут друг другу руки и перекидываются парой фраз. Выглядит это странно. Перед тем, как зайти в дом, Фил поднимает голову, снова смотрит в мое окно и хмурится.

Трусливо ныряю за штору, но на губах невольно расцветает улыбка.

Я знаю, что видела, Фил. Ты делаешь вид, что приехал к полуночи с водителем. Ты лжешь родителям. И если это ты подбрасываешь мне записки, то тебе сильно не повезло. Я больше не буду молчать.

Ночью душат кошмары: гул чужих голосов, издевательский смех, оскорбления.

«Уродина».

Прозвище словно выжгли на коже, и кажется, что ни один в мире душ не смоет ненавистное клеймо.

Утро понедельника оказывается ничем не лучше ночи, потому что рейс папы перенесли на сутки из-за непогоды.

Папа и Кирилл Андреевич в сочинских горах, открывают новенькую базу отдыха. Мама показывает фотки небольших домиков в скандинавском стиле, папа присылает кружочки в Телеграмм, мы фоткаем ему наши вафли с бананами и корчим рожицы.

В итоге мы с мамой жутко опаздываем. Точнее, мама опаздывает, потому что я уже в форме, а ей нужно переодеться.

Быстро надеваю пуховик и шапку, выскакиваю из дома,

едва не поскользываюсь на заледеневших порогах, но, спасибо гравитации, умудряюсь не шлепнуться на задницу.

Блин, ещё и мамина тачка в снегу, придется чистить.

Завожу ее, обхожу чтобы достать из багажника щетку, а в глаза бросается кроваво-красное пятно на тротуаре.

В сугробе на противоположной стороне улицы лежит маленький кожаный картхолдер. Кредитки, водительские права... искать же будут. Все соседи в нашем коттеджном поселке хорошо знают друг друга, отдам бумажник маме.

Перебегаю дорогу, подбираю и... ЧЕРТ! ЗА ЧТО?!

Сердце выдаёт двойной удар. На гимназистском пропуске красуется фото Его Величества. Воронов с той самой наглой ухмылкой, от которой у меня сводит челюсть.

Первая мысль до смешного детская: закопать находку в снегу. Вторая более взрослая: отдать дяде Жене.

—Ты что тут забыла? — Грубый командирский бас прямо над макушкой заставляет подпрыгнуть.

Оборачиваюсь — ну, конечно. Разве могло быть иначе?

Запахавшийся, в серых трениках, обтягивающих его дурацкие накачанные ноги. Ветровка расстёгнута, несмотря на мороз, а из-под красной шапки лезут мокрые рыжие пряди. Вынимает из уха крошечный наушник, из которого доносится приглушенный бит.

Он бежит зимой?! Серьезно? До какой степени нужно быть неадекватным, чтобы выходить на пробежку в минус десять?

Мы пялимся друг на друга минуту, пока он не вскидывает широкую бровь.

Идиот! Бесит, бесит, бесит! От вечерней растерянности нет и следа. Сегодня я его просто ненавижу. Возможно, это из-за того, что моя мимика на вчерашнем видео была ужасна, а у него даже такой банальный жест выходит каким-то...

Никаким не выходит, Ава. Он — настоящий моральный уродец. Ты обещала себе вернуться и вычеркнуть его из памяти, а не ностальгировать о детстве!

— Эм... — нелепо протягиваю картхолдер. — Валялся здесь.

Фил не сразу забирает, будто боится заразиться. Стоит и смотрит на свой пропуск. Идиот самовлюбленный.

Только вот когда его пальцы скользят по моей ладони — горячие, немного шершавые — я первая резко отдергиваю руку, как от чумного.

Да что за утро...

Увы, вижу ещё кое-что: его ресницы слиплись, как в детстве, когда мы лепили снеговика и... *НЕТ.*

Он не имеет права напоминать того мальчишку. Тот мальчишка остался на заброшенной детской площадке. Того мальчишку я похоронила в своих воспоминаниях тридцать первого мая прошлого года.

Почему стою, как истукан? Ему запрещено выливать на меня тонны яда, а ничего хорошего ждать не стоит. Он даже «спасибо» выдавить из себя не может.

— Ладно... — делаю шаг назад, собираясь вернуться на свою сторону улицы. — Пока.

Тишина. Да с кем я вообще разговариваю?

— *Ава.*

Я аж чуть не икаю. Какая я ему «Ава»?!

Фил произносит мое имя так, словно хочет сказать дальше ещё что-то, но решается не сразу. Прокашливается.

— Что у тебя с глазами? — Прищуривается, делая шаг вперед. — Что за фигня с цветом? — Напирает сильнее, будто ему действительно нужно знать.

Машинально касаюсь пальцами века. Линзы. Они насыщеннее моего родного голубого. Синие, как море.

— Это просто линзы, — недовольно бормочу, чувствуя, как по щекам разливается жар никому ненужного стыда. Это не его дело, не собираюсь ничего объяснять.

Фил наклоняется, и его запах — мятная жвачка, ледяной мужской дезодорант и что-то еще, знакомое с детства, — обрушивается волной цунами на легкие.

— Зачем? — Хмурится и выглядит так, будто сейчас достанет из кармана лупу, схватит меня за подбородок и начнет рассматривать радужки. — Твой родной цвет лучше.

Ничего себе констатация факта. И где только их — таких самоуверенных — штампуют? Или ему мяч в голову прилетел? Или мозги последние отморозил?

— Если решила не прятаться, так не прячься. Очки хотя бы не скрывали... ну, тебя.

Я буквально задерживаю дыхание. Он подходит ближе. И ещё. Стой, стой!

— Не подходи!

— Серьезно? — Его взгляд хаотично бежит по моему лицу. — Какого черта...

— Аврора! — Возмущенный голос мамы обрушивается на нас обоих. Ох, судя по интонации, мама в шоке от того, что я просто стою рядом с этим человеком.

Да я тоже в шоке, мамуль.

Фил отступает, его лицо снова становится нечитаемым.

— Беги, — бросает он. — А то опоздаешь.

Для тех, кто хочет узнавать новости раньше, наслаждаться артами, видео и закулисными диалогами, мой ТГ "твой автор, Лисса Джонс"

И, пожалуйста, не бойтесь оставлять комментарии, делиться переживаниями, добавлять книгу в библиотеку и просто писать автору!##

Глава 11. Его маленькая тайна

Филипп

Я — мастер саморазрушения. Если бы существовала дисциплина «Загони себя в ад», я получил бы КМС.

Тренировки «Касаток» — два раза в неделю. Тренировки юниорского состава «Легиона» — три раза в неделю. Моя личная благотворительная инициатива с мелкими пацанами, которых тренирую — два раза в неделю.

Кто-то другой давно сдох бы, а не думал бы о том, как кулаки чешутся начистить рожи всем придуркам-выпускникам «Альмы». И десятиклассникам. И тому полудохлику, который на днях заехал за ней вместо Василисы Николаевны.

Какой-то шуплый недоношенный студентик в пальто.

Матвей. Она говорила новенькой, что за ней заедет *друг*, с которым у них проходят занятия по вокалу, натягивая розовый пуховик. Нет, я не подслушивал. Они на всю раздевалку трещали, пока Вильская не попросила их заткнуться к чертям собачьим.

Хотел ли я подойти к этому другу и превратить его табло в лепешку? Конечно же нет. Что я там себе обещал в январе, сидя на лавке в лютый мороз? Мне плевать. Так вот мне все еще плевать. Я упертый — даже сам себе хрен сознаюсь.

Я так выжал себя в «Легионе», что едва дошел до дома. Тащился до метро, ехал на метро, потом на автобусе, а потом

тащился от остановки до дома полчаса. Глупой идеей было отказаться от водителя и такси, но мне жизненно важно было убить себя. Так, чтоб прийти домой и уснуть. И что?

Нихера не вышло. Я буквально окаменел прямо на улице, пока она тарасила на меня свои блюда.

Вся эта дичь с тем, что ты смотришь на девчонку и что-то там чувствуешь, помимо желания развлечься, была мне незнакома. А вчера хотелось зубами выдрать из себя тупых насекомых в животе и под ребрами. Они зудели так, что пальцы дрожали. Желудок сжимался.

Ненавижу. Может, сходить к врачу? Гастроэнтеролог явно нужен.

Ненавижу, как тело предает. Как сердце бьется чаще, когда она рядом. Как на автомате сжимаются кулаки, и я сдерживаюсь, чтобы не...

Ложь, ложь, ложь. Я лгу себе.

Я всегда хотел быть тем, кто ее защищает. Просто после того случая в будке пообещал себе задушить это желание. Вырубить под корень, вытравить. Я не чёртов герой, защитник сырых и убогих, принц из девчачьих фильмов.

Я эгоистичен. Самовлюблён. Плевать хотел на тех, кто слабее. Все это я внушал себе на протяжении десяти лет школы и что? Что в итоге? Снова чувствую себя сопляком, не способным и слова ей сказать.

А еще чувствую такую проклятую, сжирающую с потрохами вину, что просто... Не вывожу. Физические нагрузки

не помогают избавиться от разъедающего изнутри чувства.

Этой ночью снилось, как я впервые назвал ее уродиной перед двумя классами, а ее лицо исказилось от боли предательства. Проснулся с облегчением о того, что это был лишь сон. А потом боль и вина вернулись с удвоенной силой — потому что понял, что нихрена это не сон. Это воспоминание. Это было по-настоящему.

Так долго считал, что из нас двоих предатель — она, но... Я больше в этом не уверен.

Утром перед школой решил немного побегать, и последнее, о чем мечтал — снова столкнуться с ее глазами. Я сломался. Сломался, потому что весь месяц наблюдаю за этой новой Авророй, и это лживая маска! Линзы, кукольные накрученные волосы, осанка, словно она кол проглотила и никак не расслабится, задранный к потолку нос... Какая-то фальшивка, за которой я не вижу своей Авроры.

Своей.

Слово бьет по мозгам отбойным молотком.

Своей.

Что за... О чем я... Как это вообще...

Своей.

Черт. Я влип.

— Угадайте, кто в этой четверти собирается вытащить китайский из задницы? — Тряся тетрадкой к нам подходит Макс. Как обычно, он так и не научился заправлять в брюки рубашку и пользоваться расческой.

Я сижу на подоконнике в окружении ребят из баскетбольной команды и Полины с ее вечной свитой из близняшек. Они о чем-то переговаривались все это время, пока я вертел картхолдер и думал про занозу с первой парты. Максим своим ором вытащил из мысленного болота.

Что он там про китайский ляпнул?

— Я-я-я-ясно, че ты к ней подкатывал, — тянет Глеб, подпирающий плечом стенку у окна. Короткие русые волосы и бегающий взгляд Соколова особенно сильно раздражают. Хотя сегодня меня раздражает вообще все. — Я бы к нашей побелевшей крысе тоже подкатил. Парни, кому еще домашка по китайскому нужна? В очередь встанем или все вместе?

Глеб и пара парней из десятого ржут, будто это реально смешная шутка. Вильская кривится, девчонки ее копируют. Юсупов сидит рядом, залипает в телефоне и даже головы не поднимает.

— Стоп-стоп-стоп! Бестужева занята, ищи другую шпору, придурок! — Весело улыбаясь отвечает Разумовский. — Типа всё, вы упустили свой шанс.

— Ты просто жалок, — Полина подходит ближе к Максусу, толкает его в плечо. Пару секунд они смотрят друг на друга, как кошка с собакой, после чего Вильская по киношному машет хвостом, резко усаживается между мной и Димасом.

Но мне плевать. Взгляд приклеился к тетради Максима. Она помогла ему? Какого лешего он так растрепан?!

Чертова мать Тереза!

Картхолдер в руках горит огнем. Я закипаю за секунду. Что за... что за марафон ты затеяла, а? Макс, Глеб, студент. В Пекине учат именно этому?!

— Каким же ущербным надо быть, чтобы подкатить к зубриле всяя гимназии ради китайского? — я ядовито усмехаюсь, глядя поочередно на Соколова и Разумовского, но все еще продолжаю сидеть. — Надеюсь, никто больше не опустится до визгов и скаканья вокруг подобных идиоток.

Глеб опускает взгляд в пол в отличие от Макса.

— Ну, Бестужева в этом году ниче такая... — Разумовский смотрит прямо на меня, тогда как все затыкаются. — Идиот тот, кто не заметил, что под юбкой у неё неплохая задница отросла.

Я убью его. Вот и всё. Мир станет лучше. Мой мир уж точно. Я же говорил, что думаю только о себе?

— Ваши предки вроде дружат, да? Ты не знаешь, че с ней в Китае сотворили, что она даже Полинке фору дает?

Полина злобно фыркает, а импульс ярости подбрасывает меня на ноги. В секунду прижимаю белобрысого придурка лопатками к стене, надавливая на кадык предплечьем. Я в этом году, может, и ушел в тень, но это не значит, что он может чувствовать себя настолько развязно.

— Да ладно, кэп! Я же просто выбираю побыть ущербным и залезть под... Ты чего?! Фил!

— Отпусти его, — негромкий голос и крепкая хватка на запястье приводят в чувство. Сам не заметил, как занес руку.

— Тебя исключат, Фил. И так ходишь по краю. А ты, — Юсупов пальцем тычет на Макса и цедит едва слышно, — хватит строить из себя клоуна.

Голос разума в нашей компании, как всегда, прав. Мне просто нужно закончить гимназию и забыть обо всем, что тут происходило.

Отпускаю Максима, встряхиваю. Отступают на шаг. Язык выдает раньше, чем соображаю, что вообще несу.

— Я сказал. Никаких зубрил. Подойдешь к ней — больше не подойдешь ни к одному из нас. Вышвырну из команды и не пожалею. — Обвожу взглядом всех заткнувшихся на раз парней, останавливаюсь на Соколове. — Относится к каждому.

Большая перемена закончилась, но в женском туалете гимназии напротив зеркал и раковин стояла девушка.

Ее пальцы впивались в холодный край раковины, косячки побелели от напряжения. Губы дрожали, по щекам, несмотря на все усилия, катились слезы.

Слезы — это слабость. Слабых гнобят. Как Аврору. Как ту самую заучку, над которой смеялся весь класс. И всё же... Полина завидовала Авроре.

Одноклассница могла плакать, смеяться, злиться, обижаться, и даже бояться. Аврора так открыто демонстрировала эмоции, что порой Полина готова была присоединиться к любой из них.

Раньше, когда Ава тихо всхлипывала на уроках, Полине казалось, что и она могла бы заплакать. Когда Ава застенчиво смеялась вместе со всеми с выходок Макса или Фила, Полине казалось, что и ей смешно наблюдать за этими идиотами. И все же Полина не могла себе позволить быть собой.

Полина Вильская для всех окружающих была недостижимым идеалом. Обладательница густых натуральных светлых волос до лопаток, прекрасной, не по годам сформировавшейся фигуры и симметричного личика с пухлыми губами и слегка раскосыми глазами, она казалась людям настоящей стервозной королевой школы.

Она получила титул «Мисс гимназия» еще в десятом классе, она создала два года назад группу поддержки «Касаток», она стала звездой модельного агентства и уже в шестнадцать блистала на московской неделе моды. Агенты пророчили большое будущее, но родная мать в это не верила. Для матери Полина всегда была и будет недостаточно хороша.

Ни сброшенные килограммы, ни достижения в моделинге, ни отличная учеба не могли помочь Полине заслужить любовь. Но пока Полина являлась номером один в гимназии, мать гордилась ей.

Все изменилось в этом году, в январе. Аврора вернулась другой. Вильская сначала не придавала значения внешним изменениям, хоть и продолжала держать лицо стервы перед классом.

Аврора перестала бояться поднимать руку, выходить к доске, браться за самые сложные рефераты. Полина знала, что Бестужева была ботаником, но из-за травли боялась лишний раз светиться. И потому Полина долгое время была номером один по успеваемости среди девчонок. Она просто не боялась публичных выступлений, семинаров, конференций.

Полина бы выдержала это, ведь школа почти закончилась, мама сосредоточилась на выборе университета и не интересовалась делами в гимназии. Только вот сегодня парни то и дело обсуждали ботаничку.

И самое мерзкое — Фил. Фил Воронов, который еще вчера смеялся над Бестужевой громче всех, сегодня прижал Макса к стене за то, что тот посмел о ней говорить.

Полина сбежала.

Оля и Лена – безмозглые куклы, которых она намеренно выбрала в «подруги» стали бы задавать вопросы, на которые Полина не смогла бы ответить.

Мама просто будет в ней разочарована. В миллионный раз.

Мама и так считает, что дочь нужно снова посадить на диету и отправить к ненавистному репетитору ненавистного китайского. Как будто университет, диета и китайский — всё, что нужно для счастья. Как будто Полина — ее проект, а не человек.

Слеза скатилась по щеке.

Вильская так старалась, изо всех сил старалась понравить-

ся Филу, потому что мама сказала, что Полине нужен парень, соответствующий ее статусу! Она все для этого делала, но он... он смотрел либо на мяч, либо в сторону первой парты.

А Макс... Будущий сводный брат поставил себе цель превратить ее жизнь в ад. Полина ведь знала, зачем Максим так старательно тянет Бестужеву из аутсайдеров. Дело совсем не в симпатии, не в домашках, даже не в Филе.

Просто он ненавидит сестричку. Ненавидит невесту отца. Можно подумать, это Полина виновата в том, что их предки решили сыграть свадьбу! Можно подумать, она мечтает стать Разумовской!

Полина подняла голову, аккуратно стерла блестящие слезы. Открыла лежащую в раковине сумочку, чтобы достать салфетки и нахмурилась. Сложенный вдвое лист бумаги в клетку, которого тут точно быть не должно просто кричал о том, чтобы его развернули.

Содержание анонимки заставило Полину задержать дыхание.

«Пожалуйста, не плачь из-за Воронова. Он тебя не достоин. Обещаю, скоро все будет хорошо. Он вылетит из гимназии быстрее, чем мы ее закончим».

Кажется, кто-то точит зуб на Фила. Во что он влип на этот раз?

##Дорогие, спасибо огромное тем, кто поставил "Мне нравится!" Как было радостно видеть первые 40 звездочек,

вы не представляете! ##

Буду благодарна, если в комментариях поделитесь о первом впечатлении от персоножей. Есть ли идеи, кто у нас крыска, подкидывающая записки?

Глава 12. Скандал, мокрая рубашка и ее глаза напротив

Филипп

«Альму» можно любить за многое.

За личные шкафчики, куда мы скидываем половину учебников, чтобы не таскать тяжесть. За бассейн, в котором после уроков можно смыть с себя школьную тоску. За носителей языков, которые ругаются на нас на пяти диалектах, но все равно ставят «четвёрки».

Но самое охренительное здесь — столовая.

Просторное помещение на первом этаже, с панорамными окнами, выходящими на маленькую заснеженную спортплощадку. Вечно шум, гам, смех. Круглые столики оккупированы старшеклассниками, малышня рассаживается за длинными столами с табличками «1А», «2Б». В воздухе — запах свежей выпечки и настоящего кофе.

Мое любимое место в «Альме» — центральный стол у окна, за которым мы обедаем уже года три. Я был девятиклассником, когда попал к выпускникам-баскетболистам. Парни давно закончили гимназию, а стол по наследству достался «Касаткам».

Вторая большая перемена — время, когда вся «Альма» собирается здесь. Потому что именно к этому времени нам

готовят свежие обеды.

После Линь-лаоши, которая сегодня задала эссе на 150 иероглифов, у меня не просто зверский аппетит, а чертовски зверский. На поднос летит двойная порция котлет с грибным соусом, жареные овощи, пюре и самый сладкий в Питере какао, который тут намешивают так, как ни в одной пафосной кафешке не приготовят.

Падаю на стул между Димоном, ковыряющимся в гречке под таким же грибным соусом, и Максом, у которого обед точь-в-точь как мой. Глеб триндит с десятиклассниками-касатаками и воняет своей рыбой.

Про Бестужеву никто больше не вспоминает. Кроме, блин, меня.

Нафиг меня и мои мысли.

Прислушиваюсь к обсуждениям последнего матча из «Лиги ВТБ». Атмосфера лёгкая, почти как раньше: до всей этой дичи с её возвращением. Все как всег... Резко выпрямляюсь, котлета поперек горла становится от осознания.

«Все как всегда» именно потому, что *ее нет. Нет в столовке.* И не было никогда. Кажется, последний раз видел ее здесь классе в восьмом. До того, как назвал уродиной.

Где она вообще ест? Ест ли? Ходит сюда на другой перемене?

На стол со звоном опускается поднос с салатом и стаканом воды.

— Опять на диете? — фыркает Макс.

— А ты опять ешь, как свинья на убой, — парирует Поля, не глядя на него.

— Воу, полегче. Хамство сегодня не в почете, ты же гимназистка. И заметь, он тоже так ест, — Макс кивает в мою сторону. Полина не отвечает. Ерзает на стуле и не надменным, а каким-то взволнованным голосом вдруг выдает:

— Я тут... мм... Как дела? Больше не ссорились?

Глеб вскидывает брови и перестает жевать. Я тоже не понял прикола. Дело не в вопросе, просто ее словно инопланетяне подменили.

— Где твои вечные фрейлины? — Разумовский спрашивает уже без иронии. Реально, Вильская нас всех сейчас напугала странным внешним видом. Обидели либо? Хотя кто ее пальцем тронет? На нее все десятиклассники и наша параллель слюни пускают.

— Какое слово в твоем скудном лексиконе. Учебник истории открывал?

— Не уходи от вопроса.

— Как и вы все, — Полина слишком серьезно смотрит на Макса, указывает вилкой. — Вот вы двое больше не ссорились?

— Да все окей, — за нас отвечает Глеб. — Фил спустил пар, мы уяснили.

— Понятно. — Полина смотрит куда-то вниз, под стол. Видимо, на свои руки. Макс недовольно пялится на ее салат. — Я не просто так докопалась, чтоб вы знали. У вас матч с

пятидесятым лицом через две недели. А вы грызетесь, как псы из подворотни.

Не люблю упаднический настрой: она мне сейчас пацанов расстроит. Вильская — капитан чирлидеров, а сопли распустила. Надо направить беседу в другое русло.

Полгода так не делал: не надевал маску вот этого *придурка-капитана-короля школы*. Но сейчас откладываю вилку, удобнее разваливаюсь на стуле и мило, так, как девчонки любят, улыбаюсь Вильской.

— Поль, я с закрытыми глазами могу сыграть грязно, но фола никто не заметит. Мы все в отличной форме, просто болтаем, — ухмыляюсь Разумовскому, который, блин, приклеил взгляд к ее тарелке.

Пиная ножку его стула, и он растеряно кивает.

— Кстати, кто-то может и заметит, — Глеб включается в разговор, наклоняется вперед. — Не надо нарываться. «Орлы» в этом году нового тренера взяли, говорят, профессиональный игрок. Типа он у них на полставки физрук или что-то такое.

Разговор перетекает в обсуждение ближайшей тренировки, и я думаю о том, как легко переключать внимание людей. Тоже самое я провернул в пятом классе с Авой.

До пятого класса она сидела на месте Полины. Она была единственной девчонкой в нашей компании. Единственной кому я позволял... вообще все. А потом пальцами щелкнул и все развернулось на сто восемьдесят градусов: толпа быстро

подхватывает хейт.

Кретин обиженный.

Пока Глеб, Макс и два десятиклассника все еще обсуждают тренировку, замечая, что Юсупов опять сидит тише воды, ниже травы. Вот кто вырос в мрачного закрытого социопата — так это Димас.

Вижу сбитые костяшки на левой руке и напрягаюсь. Он непохож на того, кто полезет в драку. Он лощеный мажор с черными уложенными волосами и стальным терпением, предпочитающий кулакам дипломатию.

— Что происходит? — понижаю голос так, чтобы никто не слышал.

Юсупов вздрагивает и вопросительно приподнимает брови.

— Ну, знаешь, ты та-а-акой болтливый обычно. А теперь и вовсе не затыкаешься. Еще и красоту навел, — киваю на его руку, лежащую на столе. — Надо кого-то?.. — хлопаю ладонью по кулаку.

— А ты обожал трюндеть о Бестужевой. А теперь никому не даешь рта открыт чтобы просто ее фамилию произнести. Что-то случилось?

— Ауч. Вот это точно грязная игра. Я же без шуток.

Юсупов шумно выдыхает.

— Все хорошо, — смотрит на свой кулак так, будто видит впервые. — Это просто недоразумение. Спасибо.

— Ты же знаешь, что, если нужно, я к тебе загород при-

качу, залезу по пожарной лестнице в дом, и вломлю твоему старику?

Дима едва заметно улыбается, приподнимает подбородок — явно собирается что-то сказать, но мой мир в секунду меняет орбиту вращения. Внимание захватывают горящие синем пламенем глаза, прожигающие во мне дыру размером с космос.

Аврора, словно фурия, летит прямо к нашему столу. Кажется, забываю, как дышать. Идеальные кудри наконец-то хаотично развиваются за спиной, щеки горят румянцем, а в руке — стакан апельсинового сока.

— Ты! — Её звонкий голос взрезает гул столовой. Всё вокруг замедляется. Я даже не успеваю встать. Она останавливается в сантиметре от меня. Дрожит. Не от страха — от ярости.

— Ты — ничтожество, Воронов!
Сок летит мне в лицо.
Наш стол замолкает. Вся столовая замолкает.
Холодные капли стекают за шиворот, рубашка прилипает к груди.

Ни одной здоровой мысли в голове — все занял полыхающий взгляд. *Я бы многое отдал, чтобы в этот момент видеть ее настоящие глаза, а не эту фальшивую наклейку на радужках.*

Собственно. А с фига ли столько ненависти сейчас? Прихожу в себя с глубоким выдохом. Медленно прово-

жу ладонью по мокрому лицу. С трудом понимаю, что Дима успел отскочить, а Макса дернула в сторону Вильская.

— Сам ты урод, Филипп, — с жуткой болью в голосе шипит девчонка. — Падать ниже было некуда, но ты настоящий чемпион среди моральных уродов.

Она выдыхает ненависть мне в лицо, а я не могу сообщить, что случилось. Понимаю только, что сейчас на нас смотрит вся школа. Если скажу «фас» гимназистам, ее сожрут. А я этого больше не хочу.

Картинно-медленно поднимаюсь.

Что ж. Мы не будем воевать, Ава. Но ты первая начала шоу. Толпа любит шоу.

Капли сока стекают по волосам, рубашка в мокрых пятнах, местами липнет к груди и животу.

Довольно улыбаюсь, делаю шаг вперед, не отрывая от нее взгляда. Ава вздрагивает, щеки вспыхивают сильнее. Наклоняюсь, губами почти касаясь верхушки ее уха.

Черт, как сладко пахнет. У меня пристрастие к вредному и сладкому.

— Если хотела меня раздеть, просто попросила бы, — шепчу, чтобы слышала только она. — А теперь готова сходить к директору, отличница?

Ава отшатывается так резко, что едва успеваю себя остановить от попытки ухватить за руку. Она не падает, Слава Богу.

— Бестужева! Воронов! — громогласный ор Синусоиды

так невовремя останавливает мое представление. — В кабинет к директору! Живо!

Глава 13. Булочки с корицей и неудобные вопросы

Аврора

В детстве родители учат нас: «Если обижают — скажи учителям». Но порой родители и представить не могут, что происходит за закрытыми дверями таких школ, как «Альма».

Репутация в «Альме» — все. Репутация дороже денег, ведь именно она привлекает деньги, спонсоров, и людей, отдающих сюда своих детей.

Репутация гимназии была безупречна до тридцать первого мая прошлого года, когда при всем классе Фил окончательно сломал мою самооценку и веру в себя.

Помню, как вернулась домой в слезах. Мама застала меня в кровати под одеялом. Паника в ее глазах... Никогда не забуду, как ее пальцы дрожали, когда она обнимала меня. Я тогда вылила на нее всю правду. Все события с пятого по десятый классы.

Рассказала, как стала «уродиной» в восьмом классе, когда пришлось сменить очки на те, что позволяли видеть при моих «минус десять». Очки и брекеты. Угловатость, зажатость... Я действительно была гадким утенком. Фил был тем, кто «подарил» мне это прозвище. Самое грубое, самое обид-

ное, самое уничижительно. Все так быстро его подхватили.

Рассказала, как стала «крысой» в шестом классе, когда не успела сбежать со всеми с урока музыки. Не успела из-за дурацкого зрения! Я бежала с ними, я не хотела никого сдавать, но очки съехали на кончик носа... Портфель был тяжелый... Остановилась, чтобы протереть стекла и попалась на глаза классной руководительнице. А дальше были вопросы, поиски всего класса... Они решили, что я сдала их специально, и никто не дал мне шанса на оправдание.

Я пыталась реабилитироваться, не отчаиваться, не опускать руки. После случая с музыкой пообещала, что помогу ребятам с четвертными проектами по английскому. Хотела заслужить хоть чью-то дружбу. Или избежать их насмешливого «крыса». Именно в тот месяц мы всей семьей полетели в Геленджик на похороны бабушки. Мамин папа не выбирал, когда ему умирать, но его смерть стала началом моего конца. Класс меня заклеил. Решили, что я специально попросила родителей уехать и снова подвела всех.

Рассказала о том, что зачастую Фил не был тем, кто трогал меня сам. Он бросал спичку — остальные с восторгом поджигали.

В тот день я увидела в глазах тети Ати такой стыд, словно она готова была провалиться сквозь землю. Я никогда не винила ее в том, что Фил вырос придурком. Атанасия не виновата в неуправляемости сына.

В тот день я жутко боялась стать причиной ссоры лучших

друзей: папы и дяди Кирилла. Они всю жизнь шли бок о бок, и мысль о том, что жалобами я разрушу что-то светлое, давила неподъемной тяжестью.

К счастью, оказалось, наши семьи не так легко поссорить. В отличие от взрослых дома, взрослые в школе мой поступок не сочли достойным гордости. Увы, я это поняла только по возвращению.

Марина Анатольевна — наша классная — ходит мимо с лицом, будто я лично подложила ей в кофе соль. Ирина Константиновна вызывает к доске на каждом уроке с такой интонацией, что хочется сгореть со стыда.

Линь Юэ — учительница китайского — одна из немногих, кто никак не изменил своего отношения. Моя любимая учитель русского и литературы — единственная разрешила приходить по любому вопросу, но сейчас она на больничном.

Не знаю, как поступить правильно.

«Кто-то пошутил, Аврора. Не обращай внимания».

Ведь это не шутки? Или шутки?

«Ты все еще уродина». «Крысам здесь не место. Лучшие бы ты не возвращалась». «Помнишь, как тебя закрыли в туалете? Жди. В этот раз мы сделаем фото на память, стукачка».

Разбитое зеркало у шкафчика, жвачка в сумке, и, самое последнее, что я нашла — распечатанное мерзкое фото из фильма 18+ с подписью «предложение все еще в силе».

Только один человек шутил так грязно.

Но он на грани исключения. Он рискует всем: местом в «Касатках» и в «Легионе», срывом одиннадцатого класса перед экзаменами, своей репутацией. Если его выпрут с записью в личном деле, будет трудно найти новую школу, зачислиться и сдать ЕГЭ в этом году.

Зачем ему это? Чтобы снова из прихоти унижать меня?

«Твой родной цвет лучше», — тихо звучит в голове.

Как же невовремя ты решил нарушить обет молчания. Забрал бы пропуск и бежал бы дальше.

Упираюсь лбом в холодный металл шкафчика.

Все будет хорошо.

Разгар первой большой перемены. Помогаю Максиму с домашкой по китайскому, и он, довольный, обещает, что с него теперь «причитается». Саша требует с него вечеринку на нас троих. Желательно, в его пентхаусе с кучей фаст-фуда и без «заносчивых звезд».

Разумовский трепет ее по волосам, велело улыбается, и просит выбрать дату нападения на его квартиру. Абрамова толкает его под боки, и... Они выглядят как друзья.

Так, должно быть, выглядели и мы.

— Я затащу тебя в столовку, клянусь. Ты упускаешь булочки с корицей! — Саша пытается собрать волосы в высокий небрежный пучок.

— Любишь выпечку?

Густая непослушная копна очень точно отражает ее вздорный характер: сегодня Абрамова получила предупреждение о недостойном «Альмы» поведении, потому что толкалась в столовой за этими самыми булочками.

— Обожаю. Особенно с корицей. Или кардамоном.

Я отщипываю кусочки сдобы, пока Саша пыхтит с волосами. Пальцами собирает на макушке и только на третий раз успешно перевязывает шелковой синей лентой-резинкой.

Она ухватила нам выпечку и сок. Если кто-то застучает с едой в коридоре, нарвемся на лекцию о правилах поведения. Есть можно только в специально отведенном для этого месте: в столовой.

— Почему ты не ходишь столовую? — Закончив с прической, Саша усаживается на подоконнике по-турецки, натянув юбку на ноги. Она нарывается не просто на лекцию, а на наказание в виде мытья подоконников на всем этаже.

— Так сложилось.

На подоконниках сидеть позволяют, потому что они шириной с хорошую скамейку, но делать это стоит аккуратно, как полагается гимназисту.

— Слушай, я не пойму. Такая гимназия дорогая, а ты... Ну... Они тебя били либо?

Я грустно усмехаюсь. Нас десять лет учили нюансам дипломатии. Организовывали постановки-переговоры, где мы тренировались отвечать на вопросы школьников-журналистов.

Прямолинейность Саши иногда заставляет впадать в ступор даже учителей. Возможно, Марина Анатольевна с ума сходит: в ее классе, помимо выносящей сор из избы студентки, появилась еще и «невоспитанная хамка».

— Нет. Специально нет.

В «Альме» не дерутся, «как малолетние маргиналы», не устраивают бедлам в столовой, «как невоспитанная толпа», и, мое любимое, у нас «царит атмосфера взаимоуважения».

— Как понять «специально»?

— Ну, в меня могли прилетать какие-то вещи. Снежки, жвачки, баночки корректора. Но руками никто не трогал.

— Вот придурки.

— Не то слово.

— А как вышло, что даже в параллельном классе у тебя друзей нет?

Я так и замираю с булочкой у приоткрытых губ. Вопрос задел личное, спрятанное глубоко внутри.

У меня были друзья. Фил просто всех забрал.

Глаза Саши округляются, рот приоткрывается, ладони летят к лицу.

— Ой! Блин! — Сквозь растопыренные пальцы со страхом смотрит на меня. — Глупость сказала, да? Я это... Я иногда сначала говорю, потом думаю! Прости, пожалуйста!

Саша выглядит испуганной девочкой, решившей, что за неправильный вопрос я сделаю ей что-то плохое. Знаю, что она с неохотой говорит о семье, поэтому не нахожу ничего

лучше, как отмахнуться от кольнувшей в сердце жалости к себе, улыбнуться и постараться ответить.

— Ты же заметила, что у нас с «Б» есть сдвоенные предметы. В средней школе мы еще больше времени проводили вместе. Обозвали на уроке — прозвище приклеилось. На другом толкнули — все запомнили. Во всех классах, во всех школах и во все времена существовали козлы отпущения. Мне не повезло стать одним из них.

— Все были полными придурками? — Ее глаза становятся большими, как у ребенка.

— Тебе правда интересны все? — Наклоняю голову к плечу, рассматривая ее лицо. Сашина мимика — субтитры ее мыслей и эмоций. — Или кто-то конкретный?

Она точно знает, что ее румянец — ее враг. Хватает булочку в пакете и прячет лицо за едой.

— Да я просто... ну, это... Мне неинтересны мальчики-мажоры с золотой ложкой в одном месте.

Хмыкаю, сталкиваясь со стандартной реакцией на попытку узнать ее ближе. Что с ней не так?

— Саш, можно я тоже кое-что спрошу личное?

— Нужно сразу спрашивать, а не просить разрешения, — с набитым ртом Саша вылитая фарфоровая кукла-ребенок.

— Почему ты со мной общаешься? Почему решила подойти в первый день?

Зачем тебе это, если ты меня не подпускаешь? Просто провести с кем-то время на переменах?

Я не уверена, что она ответит честно, или ответит вообще, просто молча жду, что будет дальше.

Саша откладывает сок, несколько секунд смотрит на свои ладони, но молчание не успевает затянуться до неловкости.

— Ненавижу несправедливость, — ее голос впервые не веселый. — Я несколько месяцев слушала шуточки о крысе в одно ухо, и восторги Линь Юэ о том, как ты стала одной из пяти студентов в российской группе по обмену, в другое. Мне было интересно, кто ты... А потом ты появилась в коридоре, и вся эта гнилая компашка рты поотрывала. Они даже остроумное ничего выдать не могли. И я просто... поверить не могла, что тебя называли «крысой» и «ур...» - она обрывает себя. Второй раз выглядит так, будто я ударю ее по губам за неудобные слова.

Киваю, озвучивая.

— Уродиной.

Странно, но в этот момент слово впервые не отзывается болью в груди. Просто слово. Не я.

— Да! Ты же такой круассанчик! — а вот и знакомая Александра Абрамова вернулась.

— Круассанчик?

— Ага. Милая, то есть. Я ненавижу тех, кто сильнее, кто нападает толпой, кто... Таких, как они, ненавижу. Точнее, думала, что ненавижу, — выдает Саша и снова резко замолкает.

Не лезу в душу, понимая, что последнее она явно не хоте-

ла говорить вслух. Пару минут молча смотрим в пустой коридор.

Мой телефон вибрирует. Матвей пишет, что их отпустили с пары. У него будет лишний час на репетицию, если я соглашусь на авантюру.

— Симпатичный. — Саша косится на фотку. — Свидание?

— Матвей предложил попробовать спеть дуэтом. Вот и все.

— Какие вы скучные, ребята, — тянет и теряет интерес к Матвею. — Слушай, а ты в аниме разбираешься? Или в манге... комиксах там всяких?

Вау. Неожиданно.

— Немного. А тебе зачем?

— Да так. — Саша тушует, и вот теперь мне становится любопытно. — Есть кое-кто, кто в этом шарит. Хотела понять, о чем он вообще говорит. Сейчас он как высокородный диснеевский принц, а я как бескультурная оборванка рядом с ним.

Подвигаюсь к ней близко-близко, обнимаю, положив руку на плечи: Саша в этот момент быстро моргает, и вот такой я ее точно не видела.

— Если он говорит как сноб, никакой он не принц. Типичный заносчивый мажор. — Сжимаю хрупкие плечи.

— Нет-нет! Ты просто его не слышала. Он рассказывает о культуре Японии, Китая, Кореи. Говорит о стилях рисова-

ния, о культурном коде... А я понять не могу, что за маньхуа. У меня по китайскому пятерка, но я... Я же кроме учебников ничего и не видела.

— У меня идея. Пойдем с тобой в одно классное место в выходные. Ты быстро разберешься, о чем твой...

— Ава! — Шипя, она перебивает меня, толкает под бок и кивает в сторону кабинета математики. — Смотри!

В кабинет, озираясь по сторонам, заходит маленький мальчик.

Нехорошее предчувствие накатывает сокрушительной волной, от которой сжимается все внутри. Пусть это не то, о чем я думаю. Кто-то не просто посылает записки, но еще и руками ребенка это делает?

Мелкие школьники души не чают в «Касатках»...

Саша хмурится, я срываюсь и бегу в класс.

Не знаю, дурочка или святая, но даже после нескольких лет ненависти надеюсь увидеть в нем остатки того света, которым он был полон раньше. Не для себя, не для нас. Для него самого.

Смотрю на глотающего слезы ребенка у своей парты, на протянутую руку с запиской, и надежда уступает место ненависти.

Заруби себе на носу, Ава. Надежда и вера не применимы к Филиппу Воронову.

«Отвали от Разумовского, уродина, и не думай, что смо-

жешь меня уничтожить. Делай, как сказано: сможешь завершить год спокойно».

Нет, Филипп, тебя уничтожу не я. Ты сделаешь это сам.

Сгорая от желания засунуть ему в рот этот клочок бумаги, я бегу с третьего этажа на первый, не обращая внимания на попадающихся в коридорах учителей.

Глава 14. Обратная сторона «Альмы»

Филипп

Привкус железа на языке.

Так сильно стискивал зубы, что прикусил щеку изнутри. Шел, пялился на ее спину, и думал о том, что случилось в столовой. Мне даже понравилось. Но ровно до того момента, как узнал причину ее горячей праведной ярости.

— Покажи мне придурка, который тебе это сказал!

— Это второклассник! Ребёнок! Ты использовал его, чтобы передать эту... мерзость!

— Ты вообще в себе?!

— Сели обратно оба!

В очередной раз мы оказались непривычно близко. Сдерживаемся изо всех сил, чтобы не разорвать друг другу глотки: как два взбешенных зверя, не поделивших жертву. Есть подозрение, что у меня неадекватная реакция на полыхающую гневом Бестужеву, потому что зверь внутри меня чувствует не только гнев.

Будоражит, клянусь.

— Сели на места, — рявкает Цербер. — Ладно Филипп, но ты! Аврора, ты! — Директриса мгновенно испепеляет взглядом свою лучшую студентку. — Учинить скандал, вы-

лить на голову гимназиста сок, ругаться в кабинете директора... Ты медалистка, Аврора! Гордость «Альмы»!

Ава пристыженно садится на стул, опускает голову, прикрываясь волосами, но я вижу, как пылают ее щеки. Как сжимает кулачки, как боится выговора от стервы.

Просто ты подвела их, Ава. Люди ведомы и продажны, а взрослые люди — в особенности. Как только ты открыла рот, ты стала врагом среди своих же.

— Простите, — смирение и стыд в ее голосе действуют на меня как команда «Охранять».

Какого хрена ты извиняешься?! Тебе фигню пишут, фотки подбрасывают — а ты извиняешься?! Они должны были тебя защищать от таких придурков! От таких, как я!

Фиговая у нас школа, милая.

Едва хочу высказать Михайловне все, что думаю о случившемся, как она перебивает: я шумно выдыхаю.

— Аврора, как взрослый человек, объясни, что произошло, — директриса давит на неё, а после рывкает на меня. — А ты сядь. Ещё одно замечание, и в твоей характеристике не останется чистого листа.

Иди ты на все четыре, стерва.

Плюхаюсь на стул, сжимаю челюсть, складываю руки на груди. Мокрая рубашка неприятно липнет к телу. Мокрые волосы — ко лбу. Мне дали умыться, но было бы неплохо еще и переодеться.

Аврора тем временем говорит. Про записки. Про распе-

чатку из порно. Про приклеенный кусок острого стекла к шкафчику.

Сатанею с каждой секундой. С каждым её словом. Потому что знаю — это не я. Но кто-то явно хочет, чтобы она думала иначе. Прибью, отвечаю. Найду, узнаю, что за фигня и прибью.

— Ясно. Я все поняла. Что же... — стерва картинно вздыхает и разводит руками с типа «растерянным» лицом.

Да помню я о договоренностях. Меня не выпрут, пока я к медалистке не подхожу. Так я и не подходил. Хотел, может. Но не подходил.

Аврора не отрывает взгляда от своих коленок. Тоже плясую на ее коленки, обтянутые прозрачными колготками. Интересно было бы посмотреть на нее в форме касаточек из поддержки.

— Филипп...

— Отца в школу, да? Будете камеры просматривать? — Не глядя на стерву усмехаюсь. Пусть смотрят, ничего не найдут.

— Документы на отчисление может подписать и мама. — Задрав острый подбородок и поджав алые губы, она выдерживает театральную паузу. Поправляет иссиня-черные волосы у лица.

— Твой отец обещал, что в этом году проблем с поведением не будет, но ты себя не контролируешь. Мы вынуждены рекомендовать работу с психологами. Спорт плохо влияет на

твой и так неприемлемый уровень агрессии.

Возможно, мне послышалось тихое «прости», но я уже не уверен, что меня не глючит рядом с ней.

Стоп. Что значит «спорт плохо влияет...»?

Выпрямляюсь. Соображаю. Если меня попрут, потеряю «Касаток». Потеряю место в «Легионе», если испортят характеристику. Потеряю друзей? А что с экзаменами?

Они же не серьезно? Осталось-то учиться пару месяцев.

Перевожу взгляд на Аврору, собираясь сказать в очередной раз, что это не я. Туше, Воронов. На лопатки этими своими синими линзами. Вышибает дух начисто.

Ты плачешь что ли? Из-за меня?

Сглатываю с трудом. Дышать тяжело. На меня накатывает ощущение крутого пике: ввысь-высь-ввысь — и со свистом вниз. Не уверен, что кто-то еще способен вызвать во мне хоть подобие этого чувства.

Соберись, идиот, и выдави из себя что-нибудь.

— Ава... — Губы сохнут, дыхалка как на кроссе, и сформулировать не выходит.

«Прости меня».

Два слова, а столько лет говна. Почему так сложно?

— Вы свободны. До кабинета математики постарайтесь добраться без приключений. И, Аврора, очень тебя прошу, не порти свою характеристику.

Ава встаёт. Сжавшаяся, обнявшая себя за плечи, идет к двери, не глядя в мою сторону. Подрываюсь, догоняю, хва-

таю за руку.

— Я не знал об этом, клянусь!

В ее глазах - коктейль самых противоречивых в мире эмоций. Жалость и презрение. Ненависть и тревога.

Май. Улица. Её испуганные глаза и моя ненависть ко всему миру. Моя рука на ее локте. Последствия.

Резко разжимаю пальцы и отдергиваю руку, будто обжёгся.

— О том, что я даже до машины не могу дойти без очков, тоже не знал? Когда вы их прятали, не знал? — слез нет, но, блин, как она дрожит. — Или не знал, что больно быть «гугл-глазами», а не быть ими у меня нет возможности?!

Черт, эти последние пару лет... Выходят из нее с дикой злостью и мелкой дрожью.

— Не знал, что я и пяти пальцев на руке не вижу? Что еще ты не знал?! — ее прорывает.

— Я не знал, что все так плохо. Это была... — сказать «шутка» язык не поворачивается.

— Шутка?! Как и предложение встать на колени?! Как и все твои действия?! Весело вам было, да? Весело?! Ты просто законченный ублюдок, Фил!

— Аврора! — Возмущенный голос за спиной напоминает, что мы не одни. — Твоих родителей тоже будем ждать. Необходимо обсудить твое эмоциональное состояние. Возможно, две четверти в Пекине не пошли тебе на пользу. Возможно, следует поработать со школьным психологом.

Да сколько можно вешать на нас ярлыки!

Считаю медленно до трех и разворачиваюсь.

— Что вы на нее наезжаете? Ей кто-то подкидывает записки и порнушные фотки. Ей нет восемнадцати, это растление в стенах школы.

У ведьмы лицо вытягивается, и, уверен, сейчас она проклянет меня за очередной наезд на репутацию «Альмы», но дверь в кабинет распахивается. На пороге появляются Синусоида, молоденькая училка из младшей школы и какой-то шкет, пялящийся на меня во все глаза.

Происходящее напоминает паршивый спектакль — будто мы все внезапно стали персонажами дешёвого триллера, где даже злодей слишком тупой, чтобы быть правдоподобным.

Стою столбом, наблюдая, как математичка и директриса что-то спрашивают у пацана. Он жмётся к своей классной, глаза кроличьи, испуганные.

А потом Ава опускается перед ним на корточки, смотрит снизу вверх и, взяв его за руку, нежно спрашивает, «этот ли мальчик давал тебе записки».

Там же херня написана с ошибками. Я придурок, но не безграмотный.

Пацан отрицательно машет головой, а я выдыхаю.

— Видите, это ошибка.

Но тут он выдаёт:

— Он... он диктовал мне, что писать.

— Какого чёрта?! — Шагаю к нему, но директриса встаёт, перекрывая путь.

— Воронов, хватит!

— Какой то сюр... Да посмотрите камеры! Я в жизни к нему не подходил!

— Мы посмотрим, Филипп, - холодный тон стервы не обнадеживает. — А сейчас всем разойтись по кабинетам. Урок начался минуту назад. — Бросив еще один взгляд на испорченную рубашку, директриса кивает мне. — Ты можешь ехать домой.

Трое парней стоят у двери, но ближе всех — Абрамова. Коротышка хватает Аву за руку и буквально утаскивает её, бросая на нас недовольный взгляд. Видимо, мой внешний вид (а он, должно быть, убийственный) даёт понять, что сейчас — не до шуток.

Дима первый нарушает тишину, прочищая горло:

— Ну что, всё нормально?

Усмехаюсь.

— У меня плохая и хорошая новости.

— Давай с плохой, — хмыкает Макс, скрестив руки.

— В нашей «элитной» гимназии завёлся мой неадекватный фанат.

Макс пожимает плечами:

— Удивительно, что только сейчас.

Я внимательно смотрю на Разумовского, но отгоняю па-

ранойю. Нет, Максим — друг. Друзья таких свиней не подкладывают.

«Уверен, друг?» — язвит внутри голосок, подозрительно похожий на голос «золотой девочки» Альмы.

— А хорошая новость? — Глеб отлипает от стены и закидывает руку мне на плечо. — Ты отвлёк мою мать, и геометрии не будет?

— Всё бы отдал за это, — стонет Макс.

Дима молчит. Смотрит так, будто уже в курсе.

— А хорошая — только для меня. Твоя мама, кажется, может больше не беспокоиться о срыве математики.

— Не понял.

— Меня отчисляют. Обещали проверить камеры, но, уверен, ничего не найдут. В кабинете сейчас твоя мать и второклассник: пацан сказал, что я передавал ему анонимки для Авы. Ещё и заставлял писать их.

— Для кого? — Глеб подтупливает, как обычно.

— Для Бестужевой.

— Ну... тебя же не могут выгнать из-за слов сопляка?..

Глава 15. Любовь, семья, друзья. Предатели?

Воронов заявил, что у него завелся «фанат».

Идиот. В тот момент, когда он это ляпнул, едва удалось сдержать ядовитое замечание.

Слить Фила оказалось чертовски тяжело.

Со средней школы пытался, но не получалось: рыжему за-сранцу многое спускали с рук. Дело было даже не в том, что его папаша щедро платил за лояльное отношение к сыну, а в том, что Фил был ценной рабочей лошадкой. На его имени «Альма» делала хорошие деньги.

«Талантливый гимназист стал участником баскетбольного клуба "Легион"»

«"Альма" вырвала зубами победу у трехкратных чемпионов школьной лиги».

«Гимназия заняла первое место в рейтинге учебных заведений».

Никто не говорил, что мазохист тренируется, как проклятый. Никто не упоминал о том, что он с детства ходил в спортшколу. «Альме» не сдались детали.

Деньги, деньги, деньги — вот, что стоит за словом «репутация».

«Ваши дети будут такими же успешными. «Альма» ста-

нет взлетной полосой в будущее для вашего ребенка».

Фил и Аврора — лучшие представители гимназии. После ее успеха в Пекине, в «Альме» открылся целый пятый класс с уклоном на востоковедение.

Школа ой как не хотела терять никого из них. Худшим кошмаром наяву стал тот факт, что Бестужева в мае открыла рот. А ее предки едва не забрали документы дочери.

Учителя провели колоссальную промывку мозгов Вороновым и Бестужевым, только чтобы не расставаться со звездными выпускниками так позорно. На Фила и Аву повесили ярлыки эмоционально нестабильных подростков. Ему запретили подходить к ней. Ее, кажется, должны были отправить к школьному психологу.

Даже после скандала Фил вышел сухим из воды.

Сквозь высокие окна окна пробивалась синева зимних сумерек, смешиваясь с желтым светом фонарей. Пол покрывала дрожащая сетка теней от баскетбольных колец. Мяч монотонно стучал о паркет.

Все, что Фил заслужил — позорное исключение. Отмену. Грязные заголовки в СМИ.

Гаденышу недолго осталось.

Воронов, в промокшей от пота голубой майке «Касаток», продолжал бросать трёхочковые, несмотря на то, что тренер ушёл. Еще один из «Касаток» стоял в дверях, прислонившись к косяку. Наблюдал. В руках — бутылка воды, которую он протянул Филу, когда тот наконец заметил его и подошел.

— Тебе завтра в «Легион». Не надорвись, капитан.

Фил стянул бандану, которой перевязывал лоб на тренировках, и вытер ею лицо. Ухмыльнулся, но в глазах отчетливо видна была усталость, которую капитан больше не мог прятать за маской беспечного шутника.

— Это называется «подготовка». Ты бы попробовал. — Фил пьет, пока второй просто наблюдает за ним, тихо мечтая о том, чтобы капитан подавился и сдох прямо здесь. — Собираешься играть после школы?

— Я-то?

— Ты-ты. Только у нас рост на самом деле позволяет. А парням после школы баскет будет не нужен. Разлетимся по универам, — протягивает бутылку обратно. В тишине и темноте хочется задать один вопрос.

Почему тебе, ублюдку, вечно везет?

— Слушай, я все хотел спросить. Как тебя взяли в «Легион»? Ты же до стандартного метр девяносто не дотягиваешь.

— Ага. Четыре сантиметра еще. Я прыгучий — для меня это главное. А тело еще не сформировано полностью. У тебя тоже, кстати.

Почему тебя взяли, а меня — нет? Почему ты не мог просто свалить и освободить место капитана?

— Зачем ты тратишь силы на «Касаток»? Это же просто школьные игры. Тем более сам понимаешь, никто тут так не болеет баскетом.

Ты — не талант и не самородок. Ты упертый баран с

напочкиной фамилией.

— Мы же команда. Своих не бросают. Надеюсь, оттянуть время отчисления, сыграть против «Орлов». Но до игры за Кубок, думаю, не дотяну.

Да ладно. Так... значит... Кэп страдает привязанностью к друзьям? Бравада «мне никто не нужен» — напускное? Так даже веселее.

— Слушай, по поводу отчисления... Раз уж ты уверен, что попрут, может, давай как раньше?

Возвращение короля напоследок. Он думает, что изменился? Нет, он все такой же гад. Это легко доказать: Сегодня Фил продемонстрировал... Что кое-кто ему небезразличен. Какая классика: придурку вдруг понравилась хорошая девочка. Он больше не хочет дергать ее за косички, но не знает, как вести себя по-другому.

Ничего не выйдет, друг. Ты устроишь эту вечеринку, ты вернешься в ампула идиота, и ты потеряешь все: девочку, место в командах и гимназии, статус и свое имя.

— Нет, не могу, — Фил снова возвращается в центр зала и берет мяч. — Дома не до вечеринок.

— Так развеешься. Вечер, тусовка, «Касатки» с нашими девчонками? Только чур ты делаешь, а не Разумовский. Он притащит с собой ботаничку и ее сумасшедшую подружку, отвечаю. Я слышал, как Абрамова трещала, что они замутят тусу на троих, и... — Бинго. Мяч с грохотом бьется об пол, а Фил резко разворачивается лицом к товарищу по команде.

— В пятницу вечером. Я напишу в чат. И... Глеб... Спасибо.

— За что? — Соколов растерянно вскидывает брови.

— За сегодняшнюю игру. Отлично тащил защиту. Ты все-таки попробуй потренировать побольше и вэлком в «Легион», если так хочешь.

Обязательно. Может, даже на твое место попробую, капитан.

Аврора

Слюна во рту собирается за секунду. Замираю у двери, прикрыв глаза и глубоко вдыхая ванильный, нежный аромат выпечки и медовых яблок. Даже запах любимой маминой шарлотки тает во рту, оставляя сладкое послевкусие.

Приготовленная мамой еда — самая вкусная из всех, что ела. А мы часто едим вне дома, поэтому я знаю, о чем говорю. Крем глаз замечаю мужские черные ботинки-берцы.

Пулей стаскиваю пуховик, бросаю рюкзак, несусь через коридор и гостиную на кухню, но торможу в проеме арки, чтобы полюбоваться. С подросткового возраста люблю смотреть на маму и папу, когда им кажется, что никто их не видит.

На кухне играет легкий джаз, и пахнет сладко-сладко. Густой аромат нежного теста полностью обволакивает легкие, заставляет еще раз тихо сглотнуть слюну.

Папа — высокий, широкоплечий мужчина, черноволо-

сый, как взрослый принц из сказки о Русалочке. В черной рубашке с подвернутыми рукавами и брюках со стрелками — в фирменном образе Виктора Александровича Бестужева: владельца легендарной галереи современного искусства, одного из гейм-дизайнеров известных на всю планету компьютерных игр, совладельца шато «Под звездами».

Папу называют безэмоциональным, самовлюбленным, хамоватым художником двадцать первого века, но рядом со мной и мамой он — лучший мужчина на свете. Я с детства видела, как папа должен смотреть на маму. Так, будто она — весь его мир.

Когда-то, когда меня еще и в планах не было, папа даже посвятил маме выставку «Прогулка по хрустальной Вселенной», где каждый человек мог почувствовать себя центром вселенной. С легкой папиной руки мамин старенький семейный отель обрел вторую жизнь.

— Витя, ты все испортишь, — мама светящаяся, веселая, крошечная рядом с ним. С розовыми щеками, в домашней шелковой пижаме из широких брюк и топики притворно возмущенно морщит нос.

Она стоит спиной к нему. Перед ними — шкурки от яблок и разделочная доска. В руках папы — нож. Папа, как школьник, зажавший её в углу. Стоит близко-близко к маме, его подбородок на ее плече, а сам он что-то тихо говорит ей на ухо, пока ловко чистит яблоко, не выпуская ее из объятий-ловушки.

— Витя! — В ответ на смущенное восклицание он целует ее в макушку, как будто они не родители семнадцатилетней дочери, а самые настоящие подростки-влюбленные. — Ну правда, отдай нож, тогда поговорим.

— Новая сделка, Василиса? — Папа, судя по голосу, веселится.

— Может быть, — мама резво разворачивается к нему лицом, папа поднимает нож высоко над головой, но мама уже замечает меня и быстро толкает его в грудь.

Ой. Упс.

— Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу, — улыбаясь, папа разводит руки в стороны. Мама быстренько забирает объект спора, а я лечу к нему в объятия.

— Папа! — Он подхватывает, как маленькую, хотя я уже давно выше мамы, и кружит. От папы пахнет крепким кофе, специями и далекими странами: ничто никогда не сравнится с его туалетной водой, которой я в детстве обливалась с ног до головы.

— Где пропадала, принцесса?

Глаза у него — почти как мои, только мои серо-голубые, а его — свинцовые. Сейчас светятся, как у мальчишки.

— Школа, обед, вокал, — выпаливаю, наконец сползая на пол и отряхиваясь. — А что, скучал?

А, еще наконец-то поставила кое-кого на место, но из-за этого совсем не радостно. Вокал спас от жалящих мыслей, а теперь вот папа спасает.

— Ужасно, — отпускает меня, и прищурившись, выдает, — но мне повезло, я хотя бы смог вернуться домой. Кир до дома так и не долетел, хотел успеть на похороны.

За ужином папа рассказывает о смерти бабушки Атанасии. Мама все узнала еще вчера. Она даже согласилась присмотреть за Филом... Я знаю, что мама не отказала бы, но сейчас не могу не злиться на нее. Почему она не сказала?

Отгоняю тревожные мысли, как назойливых мух.

Заставляю себя сидеть дома, но то и дело смотрю в окно.

Прокручиваю в памяти слова из записок, самые неприятные насмешки, самые мерзкие моменты с ним в средней школе.

Убеждаю себя, что в моей жизни «все хорошо». Я обещала себе, что он должен получить наказание, и он его получил. Это справедливое отчисление. Я не виновата, что оно совпало с ... Никто не заставлял его подбрасывать эти записки!

На часах восемь вечера. Я делаю уроки, но то и дело ловлю себя на том, что сморю в окно.

На часах девять вечера. Я все еще делаю уроки. Я иду вниз, сижу с родителями на кухне и заставляю себя не думать о том, что в доме напротив он совсем один.

На часах десять вечера. Я снова сажусь за уроки. И заканчиваю их к одиннадцати. Пора спать.

Аврора, просто ложись спать!

Но в доме напротив горит свет.

Время — полночь. А свет все еще горит.

Ненавижу себя. Ненавижу-ненавижу-ненавижу. Ненавижу, потому что меняю очки на линзы и тихо выхожу из комнаты.

Филипп

Посуда в посудомойке. Никаких носков и шмоток по всему дому. Пара тетрадок с домашкой на разделочном столе. Нормас.

— Привет. Ну, как у вас? Папа уже с тобой? Не могу ему дозвониться, — треплю головой, стряхивая капли после вечернего душа. Как пес, честное слово. Заменить сережку на бирку, и не отличишь от рыжего двортерьера.

«Ищу хозяйку, отдамся в хорошие руки».

— Всё... в порядке, — женский голос немного измученный и уставший, но уголки губ трогает легкая улыбка. — Папа летит с пересадкой через Стамбул. — Она ежится, обнимает себя. — Здесь так холодно. Хорошо, что ты дома.

На экране по ту сторону телефона — мама.

Сидит на средневековой кухне в стиле Дракулы. За её спиной — высокое витражное окно, как из фильмов с замками и драконами.

Атанасия Нотт — прикол, конечно, — самая настоящая наследница ирландской графини Розеллы Нотт. Родной язык мамы английский. Она понимает и может говорить на ирландском. Ну, сейчас уже она общается на русском.

Когда-то давно взбалмошная избалованная девчонка-на-

следница состояния почетной семьи Ноттов решила прилететь в Питер на учебу в медицинском универе и познакомилась с моим папой. Дальше сами понимаете. Любовь-морковь, они против всего мира, и вот он я. Что-то вроде правнука почившей вчера графини.

Не могу сказать, что ощущаю боль утраты. Это странно, потому что смутно помню прабабушку. Ей в этом году исполнилось бы сто два года.

Помню массивные жемчуга на старческих тонких пальцах и морщинистой шее. Помню, как сидел под боком в библиотеке и читал ей, потому что сама она уже читать не могла. Это была сказка «Паддин и злая озёрная фея» на английском. Прабабка разговаривала со мной на английском и иногда учила ирландским словечкам, кажется, нецензурным, потому что мама один раз попросила больше не высказываться так при ребенке.

Бабуля обожала мое имя, потому что «оно королевское», рыжие волнистые волосы, потому что это «ирландский ген» и пристрастие к сахару, потому что ее повар готовил «лучший бармбрэк во всей стране».

Но прабабушка точно не была той самой «доброй бабулей». Я знаю, что она воспитывала маму в жуткой строгости. Знаю, что родную дочь она вообще исключила из своей жизни. Знаю, что у нее были какие-то темные истории с рано умершими мужьями. Чистый сериал, да?

— У нас тут тоже не лето, — перевожу камеру на окно,

демонстрируя питерскую хтонь.

— Как ты? — Мама подпирает щёку кулачком. Её глаза чуть блестят: от усталости или чего-то ещё. Собранные на макушке каштановые кудри растрёпаны. Она кутается в объёмный свитер болотного цвета.

— Да все окей. Утром бегал, был в школе, потом с Касатками тренил. Завтра в школу и в «Легион». Все по расписанию, мам. Не парься. Тетя Вася принесла поесть... — иду с телефоном к холодильнику, открываю, показываю контейнеры с мясом по-французски, овощным салатом и пюре. — Будто я не в силах заказать доставку, серьезно. Хотел с дядей Витей поздороваться, но приехал в десять. Не стал прерывать их идиллию. — Дергаю бровями на камеру и показываю, как открываю контейнеры с едой. Перекладываю в тарелку, разогреваю.

Не собираюсь говорить ей о скандале с записками, об угрозе отчисления, о том, что по мнению всех я снова травлю Аву. Надеюсь, к их приезду смогу как-то разрулить сам.

Мама тихо смеётся, и это мне нравится больше, чем ее уныние. Подготовка похорон и вопросы с завещанием, встреча с ее родной мамой, которую никто особо не видел...

Хотел бы обнять маму сейчас, но это было наше общее семейное решение — я не полечу в Ирландию. Папа скоро будет рядом с ней.

— Какой ты у меня взрослый, Фил... — даже сквозь камеру слышу характерный девчачий всхлип.

— Ма, ну ты чего? — Прислоняю телефон к стене, запускаю микроволновку. — Тебе мало поводов плакать? Покажи лучше свой ужин.

Мама приносит свою еду: тарелку с зеленью, сыром и перцем.

— Скажу папе, что ты становишься травоядным.

Если бы не матч и не выпускной класс, полетел бы с ней. Но я действительно не хочу пропускать несколько новых тем по алгебре и геометрии — математика и так дается с трудом.

Кстати о школе. Пока ужинаем, можно спросить.

— Ма, слушай. Хочу в пятницу ребят позвать. Устроить тусу. Не против?

Возможно, это будет прощальная вечеринка вместо выпускного, но родителям знать не нужно.

Мама замирает с вилкой у рта.

— Ты и правда повзрослел.

— Ты так решила, потому что я собираюсь запустить сюда толпу подростков в пубертате?

— Фил. — Мама вообще откладывает вилку и отодвигает тарелку. Я серьезно настучу папе о ее ужине в стиле сумасшедшей худеющей. — Ты никогда не просил. Напомнить, что ты сотворил, когда мы уехали в театр в прошлом году?

Сейчас кажется, что это был не я, а другой Фил. Тот Фил мечтал о «Легионе», их черно-белой форме и популярности.

— Ну... — криво улыбаюсь маме, отгоняя мысли о «Легионе». Я ещё не решил, что делать. — Теперь предпочитаю

просить официальное разрешение на разнос.

— Учти, дом — твоё наследство, а не моё. Тебе его и безречь.

— Договор.

Мы ужинаем вместе и еще немного болтаем, но когда мама начинает зевать, говорю, что пора спать, потому что она сама будет болтать со мной до победного.

Сажу на полу в гостиной до полуночи, глядя второсортный матч по телевизору. Наедине с самим собой — и от себя не спрячешься.

Паршивое состояние. Не хочу разочаровывать предков, но все к этому идет.

Что мы имеем?

Я на грани исключения с позорной записью в личном деле. Я понятия не имею, кто и зачем прикрывается моим именем. Я знаю, что в этой истории я — тот самый пацан, который кричал «волки» десятки раз, и когда волки пришли, ему уже никто не поверил.

Я нагружаю себя как ненормальный, выдыхаюсь, но не могу остановиться. Чем быстрее я убегаю от правды, тем сложнее дается гонка.

Правда бежит быстрее. Догоняет. И заставляет признать: я собственноручно превратил свою жизнь в глупый фарс. Я не перевариваю «Легион». Мне противен профессиональный спорт и правила большой игры. Мне противен тот, на чье место я претендую через год.

Что мы имеем? Хреновый итог.

Для тех, кто хочет узнавать новости раньше, наслаждаться артами, видео и закулисными диалогами, мой ТГ "твой автор, Лисса Джонс"

И, пожалуйста, не бойтесь оставлять комментарии, делиться переживаниями, добавлять книгу в библиотеку и просто писать автору!##

Глава 16. Легион

Филипп

Прошлый год. Начало сентября, 11 класс

Смех, шлепки по плечам, звучный гул пацанских голосов. Закончилась первая тренировка-знакомство с новичками.

Чувствую себя одновременно выжатым и воодушевленным. Есть куда расти. В клубе, где занимался с детства, явно гоняли не на всю катушку.

Проверяю чат, вытирая потное лицо полотенцем.

Глеб: ну че там, ты все еще в касатках? Легион тебя не поимел?

Дима: кто-нибудь понимает, как Абрамова умудрилась обойти меня в тестировании по алгебре? Мы гуманитарии. У всего класса проблемы с математикой, кроме меня.

Глеб: серьезно? Твоя гордость задета НАСТОЛЬКО? @Разумовский, что на счет вечеринки в честь лишения кого-то не девственности, а гордости?

Дима: вы гимназисты, а вас сделала новенькая из обычной школы.

Макс: звучишь как обиженный сноб.

Филипп: @Глеб, поимел, но не спеши от меня избавляться. Принесу пару уроков dirty play

— Неплохо для новичка, — грубый бас заставляет оторваться от экрана.

Рядом стоит улыбающийся брюнет с мокрыми после душа волосами. Артем Цыкалов. Капитан «Легиона», студент третьего курса СПбГУ, разыгрывающий их... нашей команды.

— Фил, верно?

С ним ещё двое: коротко стриженный, покрытый цветными тату легкий форвард Денис Воробьев и атакующий защитник Марк Лукин, который вот-вот должен уйти из «Легиона».

Лукин — чисто моя подростковая фанатская мечта во плоти. Состоявшаяся звезда единой молодежной лиги, КМС, и просто тот, на кого я смотрел с открытым ртом пару лет назад. «Легион» переманил его, едва Марку стукнуло восемнадцать. Собственно, тоже самое произошло со мной.

— Есть планы на вечер? — Марк кивает на телефон в моих руках. Парни, судя по виду, только из душа. В полотенцах, с мокрыми волосами и в сланцах.

Новички смотрят с завистью, и отчасти я привык к таким взглядам, но вне спорта. Так, не собираюсь наживать завистников в команде. Типа все за одного и один за всех. Нет?

— В планах домашка и подготовка к тестированиям после каникул, — складываю руки на груди, отвечаю вежливо, но даю понять, что планы есть.

— Точно, школа... — Марк задумчиво чешет подбородок, смотрит исподлобья, понижает голос. — Не хочешь встре-

тить новый учебный год с огоньком?

— Только я или вся команда?

— Удачи с объяснением, — улыбающийся Артем хлопает Марка по плечу и кивает Денису. Они оставляют нас один на один, и мне уже даже интересно, что это за финт ушами.

Марк мнетя несколько секунд, а когда подходит ближе, в нос бьет арктический запах ледяного парфюма. Как у меня.

— Давай на чистоту, Фил. — Складывает руки на груди, прекращает улыбаться и говорит еще тише. — Ильич предупредил, что ты в перспективе займешь мое место, но тебя нужно хорошенько выдрессировать. У меня нет времени ждать. Взять тебя под крылышко в моих интересах. Да и Ильич хочет, чтоб тебя продемонстрировали хозяевам.

Что за хрень? Я ему что, кокер-спаниель на выставках? Каки еще хозяевам?

— А что не так с тобой?

— Собираюсь пойти по стопам Дёмина*. Мой универ дает возможность уехать по обмену в Штаты. Там пропихнусь в универскую команду, попаду на глаза скаутам, в идеале дойду до драфт-комбайна НБА**.

Ого... Это... Это очень масштабная цель. Но среди всего сказанного я не услышал одного — команды, за которую он мечтал бы играть. Универская сборная звучит весьма абстрактно. Задаю вопрос, на что Лукин только усмехается.

— Да плевать, слушай. Играю за себя, а не за команду. Пока я студент, надо ловить момент и пропихиваться. Ты в

курсе, что в прошлом сезоне НСАА контракт Дёмина был сопоставим с окладом звезды «Реала»?

— Не в курсе.

— Ты, кстати, задумайся. Моргнуть не успеешь, как школу закончишь. В универ поступишь и все. Полноправный игрок «Легиона». Универсиада, молодежная лига... Сначала будешь выходить в «мусорное» время, но если зарекомендуешь себя и рост дотянет еще сантимов десять, то будет огонь. И да, еще момент. Тебя же тоже «Зенит» вырастил? Первая игра против своих бьет по нервам.

Слова задевают.

«Против своих».

Я не думал об этом. Мечтал о «Легионе» лет с тринадцати, но у них нет детской школы, как в том же «Зените», «Локомотиве», «ЦСК». В «Легион» можно только попасть через отборочные матчи, сдачи нормативов и получении званий КМС.

Марк замечает мою растерянность, улыбается и хлопает по плечу.

— Дуй в душ, новичок. Поедем в «Гранж».

То, что я узнаю в эту ночь в «Гранже», полностью меняет мое представление о профессиональном спорте.

Здесь отдыхает спонсор «Легиона»: владелец сети букмекерских контор, наживающийся на ставках. Представляете толстого мужика, на котором не сходится рубашка? Нет, со-

всем нет. Ему около сорока, к него седые волосы, каменный покер-фейс и взгляд, будто мы все ему задолжали.

«Он зависает тут, когда прилетает в Питер. Любит посмотреть на новичков, как на приобретенный товар. Ильич сам отправляет избранных пацанов сюда со старичками», — орет на ухо Артем, пока я в диком шоке перевариваю инфу. Главный тренер, выходит, в курсе.

Никогда не задумывался о том, почему в таком популярном клубе нет детской школы, но все оказалось слишком просто: на детско-юношеские матчи нельзя делать ставки.

«Легион» не просто клуб — это инструмент заработка. Договорняки, слитые матчи, купленные судьи. В этом году намечается грандиозный отмыв бабла: легионеры же три года подряд берут кубки всероссийской лиги. Ставки на них запредельные. И все, кто поставит — проиграют. Потому что в этом году «Легион» сольет финал.

Я сижу за круглым столиком в вип-кабинке, кручу в руках бокал с коктейлем и не верю в то, что узнал. Не могу понять, где оказался.

Тёмные стены, давящая на виски музыка, толпы людей, которые кричат друг другу в уши, чтобы перекрыть басы. Рядом не касатики, а незнакомые люди. Парни, полуголые девчонки на коленях, какие-то мужики в костюмах — к нам то присоединяются, то уходят.

Артем и брюнетка устраивают шоу на радость публике, и мне кажется, что им нужно снять комнату. Денис утащил

двоих, бросив напоследок слова о том, что мне нужно научиться отдыхать. И бросил пару купюр танцовщице, которая клеится ко мне уже полчаса. Еще немного — и ее рука протрет дырку на мох джинсах.

— Я сваливаю, — отстраняюсь от решившей честно отработать блондиночки, но она цепляется за мою руку, а ее нос утыкается мне в шею.

— Да ладно, чего ты, — меня стошнит сейчас от цветочного аромата, от приторного голоса и липких прикосновений. — Хочешь, все сделаю сама?

Хочу, чтобы ты перестала об меня тереться.

Меня от нее воротит. Или от себя и способа отдыха легионеров. Они не парятся из-за приближающегося начала сезона. Им обещали, что первые полгода они стабильно будут выигрывать. Нафига мне это?

Край — когда она прикусывает сережку. Грубо отталкиваю девицу, поднимаюсь и направляюсь к выходу. Парочка парней из команды не обращает внимания, а деловые придурки и вовсе в неадеквате.

Проталкиваюсь сквозь толпу. Темнота, пульсирующий в такт биению сердца неоновый свет, биты — черт, дышать становится тяжело.

Это клуб. Это клуб. Это клуб. Это не будка. Это не та будка. Мне не десять. Это клуб.

И тут вижу то, отчего ноги прирастают к полу, а воздух застревает в глотке.

Лукин. И какая-то девушка. У бара.

Она обычная. Неброская. Джинсы, простой черный топик, никакого гламура, никакого «вау». Таких в клубе сотни. Но сейчас мой мир сужается до этой невзрачной рыжеволосой девчонки.

Марк нависает над ней — вижу его спину. Вижу, как он наклоняется ближе к ней, а воображение рисует, как его пальцы впиваются в ее талию. Я будто под гипнозом наблюдаю за парочкой.

Рождающаяся в груди злость не такая, как обычно. Не вспышка, не отключающая мозг эмоция, не феерия гормонального взрыва. Эта злость другая. Осознанная, медленно расползающаяся по венам.

Взрослая. Холодная. Абсолютно новая.

Девчонка что-то говорит, отворачивает голову, но он не слушает. Она толкает его в грудь — но это как пытаться сдвинуть скалу. Никто не видит?

Нет, не так. *Никто не хочет видеть.*

Совсем точно так же, как учителя не видели того, что мы творили.

Эта мысль дает импульс — оживаю и в пару широких шагов оказываюсь у бара.

— Отвали от нее. — Голос звучит резко даже для меня самого. Марк оборачивается. Девчонка смотрит с... черт. С надеждой?

Я не тот, на кого ей стоит надеяться. И тем не менее я тут.
— Ты в порядке? — Спрашиваю ее, но уже знаю ответ.
— Тебе че, алкоголь в голову ударил? — Придурок еще и пьяно усмехается.

Девушка молчит, только едва заметно качает головой. Эта новая злость заставляет стиснуть зубы и сжать кулаки, но я не бросаюсь в драку сию же минуту. *Я соображаю.*

— Ты не в себе? — Это он мне? Сам явно «не в себе».

Киваю ей, чтоб уходила. Марк дергает ее за руку: перед глазами вспыхивает Аврора. Ее крик, падение и перелом. Второй раз при мне этого говна не будет.

— Мы не договорили, — Лукин обращается к девчонке, не отпуская.

— Нет. Вы договорили.

Марк выше. Крупнее. Студент, блин, у которого тут вся команда, готовая заступиться. Что я делаю? Использую эффект неожиданности. «Слабоумие и отвага» — мое второе имя.

Всё происходит за секунды.

Дергаюсь вперед, пальцы впиваются в кожаный воротник его куртки. Рывок. Марк летит на стойку бара, его затылок вот-вот встретится с каменной поверхностью.

Девчонка взвизгивает, отскакивает, но сейчас не до нее.

Марк не ожидал, но реагирует быстрее, чем я рассчитывал. Его кулак взлетает, я уворчив... Черт!

Кулак встречается с моей челюстью. Голова дёргается на-

зад. Боль — резкая, обжигающая, как будто кто-то воткнул раскалённый гвоздь в скулу. Горячая лава разливается по левой стороне лица.

— Чёрт!

Вряд ли сломал, но... блин, больно!

Марк вырывается, его глаза горят — не страхом, а злостью. Второй удар в лицо. Уворачиваюсь, но не до конца — его кулак цепляет меня по носу.

Вспышка. В глазах белые искры, в ушах — звон.

— Разнимите их! — Чей-то крик рвётся сквозь музыку.

Толкаю пьяную тушу обратно в бар, вжимаю так сильно, что чувствую, как его позвоночник хрустит под моей хваткой.

Марк не ожидал, что я не отступлю.

— А весело с тобой, — шипит. Не успеваю среагировать. Грязный пол «Гранжа» под позвоночником. Его колено впицается мне в живот, выбивая воздух.

— Завязывайте!

Артём хватает Марка за шиворот, оттаскивает от меня. Отряхиваюсь, сажусь на пол.

Вытираю кровь с губ. Только сейчас чувствую... Разбитый нос. Распухшая щёка. Дрожь в руках.

И всем плевать. Кто-то снимал на телефон, кто-то отошел подальше, кто-то кричит, что Арт не портил веселье.

Вот, значит, как это, да? Ты это чувствовала? Всем было плевать?

Ненавижу...Как же чертовски сильно себя ненавижу в этот момент. А Марк глупо-радостно растягивает губы в улыбке.

— Понравилась, да? — Кивает в сторону выхода. — Дарю! Только не очаровывайся... У неё таких, как ты, десяток побывало.

Не отвечаю. Просто разворачиваюсь и иду к выходу. К черту этот клуб. К черту этот Легион. К черту всех, кому плевать. И меня к черту.

Ночной воздух холодит разгоряченную кожу подпорченного лица, когда вылетаю на улицу. Вдыхаю полной грудью отрезвляющий влажный запах каналов, сырости и старых зданий.

— Ну ты и феерия, новичок, — сбоку материализуется Артем, вероятно, желающий сказать, какой я идиот. Плевать. Поймаю такси, уеду домой, а завтра уйду из «Легиона».

— Вспыльчивый? Или реально девчонка понравилась? — В ответ на предположение усмехаюсь, потому что, знаете, что я хочу ответить?

«Не люблю придурков и тех, кто отыгрывается на слабых».

Я. Хочу. Это. Сказать. Ирония, да?

— Приятно было познакомиться, — вот и все, что выдавливаю, пока захожу в приложение для вызова такси.

— Вспыльчивый, значит. — По-взрослому, снисходитель-

но, задевая что-то внутри, о существовании чего я даже не догадывался, произносит Артем. Видимо, совесть проснулась после многолетней спячки. Доброе утро, соня. Не хочешь ничего объяснить?

— Это все не мое, — оборачиваюсь к капитану, и крик души рвется наружу. — Я себе не так представлял... Все! Вообще все это!

— Добро пожаловать во взрослый мир. — Арт спокоен, как удав. Чем-то напоминает Юсупова. — Послушай внимательно. Лукин иногда перегибает, но ты мне меня напоминаешь, поэтому скажу один раз. «Легион» — плацдарм в мир большого спорта. Не торопись. Здесь не только баскет, но и связи. Ты же из Альмы, должен понимать, о чем речь.

— Я хочу играть...

— Так играй. Просто играй за себя. «Легион» сделает имя, портфолио, даст знакомства. Они штампуют нам славу. Года два продержись.

— Я не собираюсь никуда переезжать. Кроме «Легиона» полно достойных клубов.

— Тебе и восемнадцати нет, Фил. Ты сейчас затеял драку на эмоциях: окей, мы все так делали. Но принимать важное для карьеры решение нужно на холодную голову. Еще один бесплатный совет: увеличь нагрузку. Если нужно, тренируйся каждый день, но не давай волю эмоциям. Не слушай бред про отдых — иногда таким, как мы, нужно выплескивать дерьмо в спортзале. Доводить себя до той точки, когда

сил творить хрень не остается. В тебе полно дури. Так работай, а не лезь в драки.

После этих слов Арт говорит, что меня «уже заждались» и кивает в сторону той самой девчонки, скромно стоящей в паре шагов от нас.

Трель домофона взрывает полуночную тишину и мою тревожную дремоту. Свет телефона ослепляет на мог, моргаю и зависаю: камера у входа в дом передает на экран четкий силуэт. Это все еще сон? Или я окончательно тронулся?

В полночь.

У моей двери.

После всего.

Швыряю телефон, вылетаю в прихожую. Щелчок замка. Глухой стук сердца в ушах. Ледяной воздух бьет в лицо.

Она. Здесь.

В расстегнутом розовом пуховике, с розовыми от холода щеками. Выдыхающая пар в сумерки. Сжимающая в руках стеклянный контейнер, из которого пахнет... Шарлоткой? Серьёзно?

** Егор Владимирович Дёмин (3 марта 2006, Москва, Россия) — российский баскетболист, играющий на позиции защитника. По окончании сезона 2023/24 Дёмин решил переехать в США, чтобы играть в баскетбол в студенческих лигах. Он принял приглашение Университета Бригама Янга, и*

его называли «возможно, самым заметным перспективным игроком, когда-либо участвовавшим в баскетбольной программе Университета Бригама Янга»

**** Драфт-комбайн НБА** — система просмотра и тестирования игроков, которая проводится перед ежегодным драфтом лиги. Цель мероприятия — дать возможность командам НБА ближе познакомиться с новичками, которые выставили свои кандидатуры на драфт. Во время драфт-комбайна баскетболисты проходят медицинские тесты, им делают антропометрические замеры, игроки выполняют различные спортивные тесты и броски, а также играют 5х5.

Глава 17. Ночная шарлотка

Аврора

Зима — самое красивое, пусть и суровое время года. Пахнет свежестью и морозом. На чернильно-черном недостижимо высоком небосводе светятся миллиарды крошечных звезд. Здесь, за городом, вдали от спальных высоток и зимней иллюминации, звезды горят гораздо ярче.

Одна падает. Замечаю ее, когда стою перед закрытой дверью, к которой не подходила много лет, и рассматриваю небо.

Загадываю желание без надежды на то, что оно сбудется: время не умеет разворачиваться вспять. Но в этот миг тяжелая дверь открывается с тихим щелчком открывается, и морозная ночь становится совсем не морозной.

Все хорошо. Все хорошо. Все хорошо.

От волнения бросает в жар, а от глупой сцены, где Фил стоит на пороге в домашних серых шортах и футболке с музыкального фестиваля «Белых ночей», смотрит сверху вниз и молчит, дрожат руки и коленки.

Наверное, он удивлен не меньше меня. Я ведь даже себе не могу объяснить, зачем пришла: кажется, просто не хочу быть человеком, который упивается чужим горем. Даже если это горе моего личного монстра.

— Мамина шарлотка, — протягиваю стеклянный контей-

нер, глядя под ноги. Я в сапогах. Он — босой. Порог — невидимая граница, которую никто не перейдет. — Я... уже разогрела.

Собиралась отдать шарлотку, сказать, что соболезную, и что он сам виноват в отчислении, но под пристальным взглядом сделать это почти невозможно.

Возьми ее, пожалуйста. Не задавай вопросов.

— Зайдешь? — Голос хриплый, словно от недавнего сна. Вопрос, отдающий ещё большей ненормальностью, чем мой поступок.

Зима — странное время года.

«Зайдешь?»

Это невозможно: между нами ведь ничего не меняется. Зимой все сковано льдами, укрыто снегами, надежно заморожено до весны. Все те же обиды, недосказанность и ненависть. Это лишь минута перемирия, где я понимаю боль его утраты. Помню, как тосковала по деду, когда его не стало.

Терять близких больно.

Шершавые от возраста, но самые нежные бабушкины руки. Дедушкин хриплый, но искрящийся теплотой голос. Их родные самые безопасные в мире объятия не забываются никогда. Время стирает детали, вымывает из памяти краски, но бабушки и дедушки остаются в наших сердцах навсегда.

Я знаю, что Фил редко летал в Ирландию, но в далеком, запертом на тысячу замков ящике памяти храню его исто-

рии о сказочной пожилой графине, учившей его смешным ирландским словечкам.

Зайду ли я?

— Нет. — Поднимаю голову, решаясь заглянуть в его лицо. Совсем взрослое. С четко очерченной линией подбородка, без детской припухлости. С широкими бровями и длинными ресницами.

Наверное, он давно уже нравится девчонкам.

Знаю, что нельзя так думать. Знаю, что делаю себе же хуже. Знаю, что завтра в школе снова увижу поджатые губы и презрительный прищур, но сейчас отрицать яркую, почти слепящую красоту не выходит. Медь волос, темная радужка глаз, едва заметная россыпь веснушек - все это было слишком родным.

Да. Терять родных больно.

— Я просто... узнала про прабабушку. Мне жаль. Правда, — настойчиво протягиваю контейнер, буквально впихиваю ему в руки так, чтобы не дотрагиваться пальцами до его пальцев и больше всего в жизни хочу сбежать.

Глупая, глупая была мысль! Самая дурацкая на свете!

— Спасибо, — его голос срывается на последнем слоге. Смотрит на контейнер, как на что-то нереальное.

Вот и все. Иди отсюда, Ава! Беги!

Шаг спиной назад. Его взгляд на контейнер. На меня.

Нет, все, хватит.

Разворот. Десять секунд, и я буду...

— Стой!

Не оборачивайся. Не смотри. Не...

— Ава! Стой!

— Я же сказала, что не... — из-за подозрительного шо-роха резко торможу у проезжей части, все же оборачиваюсь и роняю челюсть на асфальт.

О боже... Боже, блин! Идиот!

— Ты больной, ясно? — Он в метре от меня, а у меня голос срывается на фальцет.

— Учти, я в таком виде дойду даже до твоего дома. — Заявляет самоуверенно, подходя ближе. А я не могу сдвинуться из-за происходящего.

Фил. Босой. На колючем ледяном покрытом коркой за-твердевшего снега асфальте! Без куртки, без шапки, без чер-товой обуви! Босой!

— Посиди со мной.

— Я знала, что ты идиот, но не знала что настолько, — выдыхаю пар в обтянутую футболкой грудь. Он останавли-вается так близко, что приходится сделать шаг назад. — Ты, блин, вышел на улицу босиком, Фил!

— Я в курсе. Холодно капец, — судя по посиневшим ступ-ням еще как холодно! Но стоит, как столб, замороженный в лед. Даже не топчется.

— Я иду домой. И тебе советую.

— Тогда я провожу, не против?

Я зажмуриваюсь.

Идиот. Эталонный идиот.

— Фил!

— Что? Мило болтаем же?

Впервые слышу фальшь в самоуверенной интонации. Вижу, как на самом деле ему холодно, как быстро синеют губы, и как начинает мелко дрожать подбородок. Конечно, ему безумно холодно!

— Пожалуйста, — надтреснутое. Будто он выдохнул это слово вместе с последним глотком воздуха.

Происходящее похоже на тревожный сон или одну из тех хрупких фантазий, что приходят в полудреме, но утром мы не можем отличить их от реальности.

Сию ли в знакомой гостиной на самом деле или провалилась в глубокий сон в своей кровати? Выходила ли из дома или так и уснула за уроками?

Пальцы щекочет пушистый плотный ворс серого-белого ковра. В телевизоре — баскетбол. Такое мне точно не могло присниться. На черном глянцевого журнальном столике несколько больших свечей, от которых едва уловимо пахнет чёрным перцем и ванилью — любимый аромат тети Ати.

Я слышу, вижу, чувствую — во сне это невозможно.

Что я здесь делаю?

Фил возвращается с кухни, в его руках две кружки. Он так и не надел носки, и, думаю, к утру вместо школы поедет в больницу с первыми симптомами пневмонии. Маме придет-

ся поехать с ним. Или нет? Он ведь уже совершеннолетний.

Мысли, как вязкая манная каша, медленно перетекают одна в другую, но вычленишь хоть одну здравую не выходит. Ночью все кажется настолько иллюзорным, фантомным и прозрачным, что мне хочется провести рукой по воздуху: проверит, не дрогнет ли картинка.

Фил садится на пол так, чтобы спиной упираться в мягкую обивку гигантского графитового дивана — я отодвигаюсь на несколько сантиметров. Бок о бок сидеть лучше, чем напротив, но слишком маленькая дистанция заставляет воздух искриться от... неловкости, недосказанности, ненависти и всех тех слов, что можно придумать на "не". Полутьма комнаты не добавляет происходящему ни грамма реальности. Напротив, тусклый свет контурной подсветки и яркие вспышки на экране делают атмосферу ещё более тревожной.

Кое-кто делает вид, что не замечает дикой, орущей слово «абсурд» ситуации. А может и правда не замечает: способность не обращать внимание ни на кого вокруг у него всегда была развита хорошо.

— Черный, не горячий, одна ложка сахара. Все верно?

Может, тут кто-кто есть? Это розыгрыш? Новая игра? Попытка заставить забрать обратно сегодняшние обвинения?

Представляю, как сделаю глоток, а с чаем окажется что-то не то. Подавлюсь, кто-то снимет видео, и он будет меня шантажировать?

— Думаешь, я его отравил?

— Скорее плюнул.

Он хмыкает, ставит свою кружку, берет мою и отпивает. Ставит обратно. Странности стало только больше. Точно к ней не притронусь.

Несколько секунд продолжается бой в гляделки, где никто не хочет сдаваться, но... Надо же.

Фил делает это первым: хмыкает и откидывается назад, на диван, тоже садится прямо, так что теперь мы просто сидим бок о бок на более-менее подходящем расстоянии. На расстоянии вытянутой руки. Вроде можно дотянуться, но сделать ничего нельзя.

— Да брось. Мы буквально ели из одной тарелки.

Нормальность его поведения выглядит ненормально, как бы сюрреалистично это не звучало. Оксюморон в чистом виде. Незаметно стараюсь посмотреть по сторонам. Прислушиваюсь.

— Здесь никого нет. — Фил произносит это так просто, будто читает мысли. Его пальцы сжимают кружку чуть сильнее, когда он продолжает. — Мама позавчера улетела, благо нашлись билеты. Папа полетел сегодня к ней. С двумя пересадками. Я не ложусь, потому что его самолет приземлится в два по нашему времени. Жду сообщение, что долетел.

Его ресницы трепещут, когда говорит о времени приземления. В этом жесте — усталость и что-то еще, что заставляет сердце сжаться. Наивный орган.

— А ты почему не полетел?

— Маме еле выцепили билет. Папа ей нужнее сейчас. Там волокита с наследством. Папа поможет с организацией похорон. Да и... Игра скоро. Подготовка к ЕГЭ. — Он делает глоток, и я вижу, как двигается кадык. — Бабуля точно не обижается. Она вообще была дама необидчивая.

Тишина. Такая осязаемая и плотная, будто мы сидим на дне океана.

— Это странно, что я помню только детали. Или расплывчатый образ?

— Нет, наверное. Я не могу вспомнить лицо дедушки точно, но помню запах туалетной воды. У него платок всегда пах. Такой резкий. И помню, как он маму всегда называл Васечкой.

Подтягиваю коленки к груди, обнимаю себя руками. Можно представить, что мы правда сидим, как в детстве. Вместо мультиков, правда, никому ненужный матч. Мы оба молчим... сколько?

Может пять минут. А может уже утро. Пока его слова не нарушают волшебный момент.

— Это не я, — едва слышно, но в такой тишине даже дыхание громкое. — С записками.

Пальцы непроизвольно сжимают лодыжки. Вот он — момент пробуждения. Сон рассеивается, оставляя после себя горький привкус реальности.

— Все, что я хотел тебе сказать, я говорил в лицо. — Фил поднимает голову. В потемневших, почти черных глазах так

много усталости. Так не должно быть у восемнадцатилетнего короля школы и любимчика публики. — Даже самые дерьмовые вещи. Я никогда не прятался.

Я бы хотела поверить, очень хотела. Но как выкинуть из уравнения мальчишку, прямо указавшего на Фила? Как выкинуть из уравнения годы оскорблений и насмешек? Как можно не принимать во внимание доводы рассудка, и что делать, когда душа бьется в грудной клетке в желании снова поверить мальчишке из соседнего дома?

— Я знаю, что ты не веришь. Я бы и сам не поверил. Да никто не поверит.

— Думаешь, мальчик... зачем он сказал, что это ты? — Мой голос звучит ещё тише и так неуверенно, что удивительно, как он разобрал слова. Поднимаю голову. Наш взгляд встречается.

— Не знаю. Кто-то шугнал, наверное. Ты либо замерзла? Принести плед? — Говорит так буднично и спокойно, что...

В этот момент что-то между нами меняется. Из телевизора продолжает бубнить комментатор. На столе — две кружки с остывающим чаем. И это хрупкое перемирие, такое неожиданное, теперь кажется самым реальным, что было между нами за долгие годы.

Ерзаю, пытаюсь подобрать слова, выразить то, что кипит внутри виной, обидой, злостью, болью.

— Я... — вдох. Выдох. — Не хотела так. Хотела просто рассказать родителям, но когда он мне протянул последнюю

записку... Снова эта «уродина». В жизни не была так зла. В столовой сама себя не контролировала...

Посреди сбивчивой речи замечаю, как он тепло улыбается.

— С соком ты, конечно, отожгла.

Язык выдает раньше, чем успевает проанализировать мозг.

— А ты рубашку постирал?

Тихий смешок, совсем не злобный и не издевательский, заставляет впервые улыбнуться в ответ. Мы улыбаемся друг другу, и это ощущается неловко, но тепло.

— Не думаю, что она мне пригодится.

— Так не стирал?

— Ну-у-у, как сказать... - блестящий даже в полутьме взгляд нашкодившего ребенка заставляет улыбнуться еще шире. Именно из-за него Фила трудно было ругать в детстве. Кот из «Шрека» отдыхает.

Он так несчастно вздыхает, что я вдруг начинаю хихикать.

— Бросил в машинку с синими спортивными шмотками и, короче... — Фил запускает пальцы в растрепанные волосы, и я почему-то смеюсь по-настоящему. Кажется, знаю, что произошло с несчастной рубашкой.

Со смехом выпускаю всю дневную злость, вечернюю растерянность, ночную неловкость. Наверное, выгляжу как дурочка. Вот он смотрит точно как на дурочку. Отворачивается, приглушенно кашляет в кулак, и в голубом свете телеви-

зора замечаю легкий румянец на скулах.

— Ты не заболел?

— Да я... это... — голос точно как у того, кто вот-вот снова закашляется.

И что я творю? Что, Боже? Подползаю. Ладонь ложится на его лоб, прежде чем мозг успевает остановить нерадивую глупую хозяйку.

— Горячий.

Его лоб как раскалённый песок в летний полдень.

— Какой неоднозначный симптом.

Фил не шевелится. Ресницы вздрагивают, когда легко смахиваю непослушную прядь волос.

— Очень смешно. Иди за градусником.

— Проверь еще раз. Мама еще шею трогает.

— Я серьезно.

— Тогда я кое-что проверю, — и с этими словами ядерный гриб накрывает весь мир. Фил в прижимается губами к моим губам.

Горячие. Сухие. С привкусом крепкого сладкого чая. Они приоткрываются, и его выдох опалает.

Я застываю.

Широкая ладонь давит на тыльную сторону моей шеи, притягивая ближе. Его пальцы впиваются в кожу — не больно, но так, чтобы я не смогла убежать.

Это...

Он...

Сейчас.

Это поцелуй. Настоящий. Не случайное касание.

Я не дышу. Не думаю. Не отвечаю.

Только чувствую. Как его губы двигаются на моих. Как дыхание смешивается с моим — горячее, неровное. Как всё внутри сжимается в тугий узел и тут же распрямляется с такой силой, что кажется — взорвётся.

Его пальцы скользят выше, путаются в моих волосах. Каждое движение губ — как удар тока. Каждый миллиметр кожи вспыхивает, будто по мне бегут огненные мурашки.

И я... Чёрт. Взрыв тысячи атомных бомб не сравнится с той силой, с какой взрывается ненависть к нему в этот момент.

Я, кажется, с выдохом позволяю губам разомкнуться. Всего на долю секунды, но он ловит этот момент. Его язык касается моего — лёгкое, едва заметное движение.

Это неправильно.

Это предательство самой себя.

Аврора!

От мысленного полного ужаса крика дергаюсь назад, а ладонь взлетает и врезается его щеку. Звук хлесткий, звенящий, будто лопнула струна. Он не извиняется. Не говорит ничего. Сбито дышит и прижимает ладонь к покрасневшей коже. В глазах — не изумление, не злость, а что-то гораздо хуже. Такой взгляд, будто выиграл Кубок школ. Проверил, значит?

— Ты все еще в м... — Его глаза тёмные, почти чёрные.

— Надеюсь, ты вылетишь из «Альмы» завтра же, — шиплю с такой ненавистью, на которую никогда раньше не была способна, и убегаю из проклятого дома.

Ненавижу.

Губы горят огнем и покалывают. Смыть. Смыть. Смыть.

Ненавижу.

Дом. Коридор. Лестница.

Ненавижу.

Залетаю в спальню, прислоняюсь к закрытой двери и медленно сползаю на пол. Благими намерениями дорога в ад вымощена.

Нет, я не «все еще...».

Будь ты проклят, Воронов. Будь. Ты. Проклят.

Глава 18. Утренний гость и странные переписки

В это утро мать позвала Глеба завтракать раньше обычного. На столе ждал чай, шакшука и ваза с шоколадными конфетами. За завтраком мама крутилась вокруг любимого и единственного сына, неустанно болтала о том, что раздражающего, несносного, избалованного Воронова вот-вот исключат.

— Глебушка, ты только не проворонь место это вашего капитана! — Закручивая волосы в тугой пучок, кричала мама из коридора. — Сегодня вот-вот примут решение на педсовете. Сходи к физруку, поговори.

Потом мама, не обращая внимание на закатывание глаз со стороны сына, напомнила о том, что сегодня обязательно соберет тетрадки с домашней работой: у Глеба все должно быть решено.

После завтрака он лениво застегивал рубашку и думал о том, какой же сегодня будет замечательный день: Воронов вылетит из «Альмы», но мама не подозревает благодаря кому.

Пацан сделал все, как договорились. Бестужева тоже не подвела — после стольких лет травли легко повелась на уловку.

Глеб даже не писал анонимки своей рукой, тупо диктовал сопляку. Пацан был из небогатой семьи, учился на стипендии, оттого легко поверил в то, что сын учительницы может повлиять на его отчисление.

Глеб знал наизусть расположение каждой рабочей и нерабочей камеры в «Альме», а потому совсем не переживал из-за того, что кто-то что-то найдет в видеозаписях. Никто ничего не найдет. Единственный, кто может спалить — запуганный второклассник — и рта не откроет.

Укладывая короткий русый ежик и поливаясь парфюмом, Глеб тихо напевал незамысловатую песню и улыбался своему отражению.

Звездное лидерство в «Касатках», его пролет в «Легионе» на фоне триумфального восхождения Фила... все это было неприятно, но можно было бы пережить. Но Фил решил не останавливаться на баскете.

Все было до банального просто и очевидно. Девчонки — всегда все проблемы из-за них. Ради Елены Троянской вообще войну начали.

Воронов очень, очень зря попал в зону видимости Полины Вильской. Этого Глеб простить никак не мог. Но еще большим ударом по его самолюбию стал тот факт, что Фил даже раза не посмотрел в сторону той, чья фотография уже пару лет хранилась во внутреннем кармане пиджака Глеба.

Ради этой холодной, стервозной, но самой красивой в мире девчонки Соколов был готов на многое. Он даже создал

анонимный аккаунт, с которого писал ей комплименты, но у Полины было столько подобных комментариев, что она совсем не обращала на них внимание. А вот подойти к ней и сказать о чувствах Глеб не мог: он не готов был терпеть её уничижительное равнодушие.

Совсем скоро место кэпа освободится. Совсем скоро Полина поймет, как же сильно она ошибалась.

Аврора

Что мы имеем на утро? Бледное лицо и красные, воспаленные глаза с полопавшимися капиллярами. Прелестно.

— Чёрт, — ругаюсь, когда третья попытка вставить линзы заканчивается болью. Я так ним привыкла, что давно уже ношу не шесть-восемь часов, а все двенадцать. Вставляю рано утром. Вынимаю к ночи перед сном. А этой ночью легла с ними спать.

До утра крутилась, вертелась, мысленно ругалась на себя и на него.

Подумаешь.

Это даже не поцелуй!

Если он так ужасно целуется, не завидую Полине. Или с кем он там практикуется.

Да это даже не мой первый поцелуй, потому что я, на минуточку, не принимала участия в процессе. Зачем вообще нужно было это делать?!

Среди круговорота бесконечных мыслей только часов в

пять утра поняла, что лежала в линзах. Пара часов перерыва не помогли. Придётся ехать в очках.

Зимой ходить в очках — то еще удовольствие. Стекла потеют, оправка на улице становится холодной, а еще эта ограниченность обзора стеклами... Ненавижу.

С отвращением беру в руки оправу. Все расплывчато настолько, что не вижу пальцев на собственной руке! Приходится поднести почти к носу, чтоб увидеть проклятую толщину линз.

«Ты все еще уродина».

Голос в голове звучит так четко, будто он стоит за спиной.

«Это не я!»

Отлично, у меня в голове два дебила спорят.

«Посмотри в зеркало».

«Все, что я говорил, я говорил в лицо».

Надеваю очки и мир обретает четкость. Зато мои собственные глаза становятся меньше. Снова блеклый серо-голубой. Снова испуганное лицо. Снова «Гугл-глаза» смотрят на меня в отражении.

«Все будет хорошо», — повторяю пока не начинаю в это верить.

Я не одна ношу очки, а, значит, дело не в них, а во мне. Может, стоит взять у Саши пару уроков словесной самообороны.

Слышу короткий сигнал автомобиля: папа уже внизу, машина нагрелась. Выглядываю в окно и едва не использую

весь нецензурный потенциал великого и могучего.

Что ОН там забыл?! Стоит во дворе, беззаботно болтая с моим отцом, будто ночи вообще не было. Будто я не дала ему пощечину. Будто он не целовал меня.

Да не было никакого поцелуя!

Это непонятное нечто нельзя назвать поцелуем. Вот так и буду думать: фу, обмен бактериями, после которого пришлось дважды чистить зубы и полоскать рот.

За пять минут успеваю трижды споткнуться о собственные ноги. Пролить чай на стол. Проклясть все на свете. Особенно его. Интересно, он икал ночью?

Нет, не интересно! Плевала я на то, что он делал ночью.

— Папа! — Голос звучит звонко, когда выскакиваю на крыльцо в расстегнутом пуховике. Отец оборачивается, улыбается и что-то говорит Филу. Этот идиот кивает, переводит взгляд на меня и, засунув руки в карманы, смотрит с нахальной ухмылкой.

Весело, да? Вернулся очкарик? Что, отбило желание лезть целоваться?

Как бы зла и раздражена не была, все же стесняюсь и стараюсь не поворачиваться к нему лицом.

— Доброе утро, принцесса. Ты сегодня быстро.

— Надо успеть с Сашей зайти в библиотеку, — папа целует в щеку. Показательно игнорирую негромкое «привет» сбоку.

— Так мы только тебя и ждали. Прыгай и полетим.

«Прогнать» не спешу, потому что замечаю бесячую победную улыбку на лице придурка.

— Мы? А он тут что забыл? — Небрежно киваю в сторону соседа, все еще не желая разворачиваться к нему лицом. Нет, я знаю, что Фил с детства восхищался папой и постоянно лез к нему на руки, на колени и на шею, но сейчас-то что он тут делает?

— Ава...

— Все нормально, дядь Вить. Заслужил, — елеиным голосом, от которого сводит желудок, перебивает папу. — Водитель заболел, предков нет. Я мог бы взять мамину тачку, но, думаю, дэпсы не оценят. Твой папа меня подвезет. - Фил заглядывает папе в глаза с той самой убийственной улыбкой, против которой нет оружия.

— Чудесно, — цежу сквозь зубы.

Удивительно, что ты не валяешься в горячке.

Папа открывает дверь и поторапливает нас.

Стиснув зубы, залезаю в папин танк на переднее сиденье, пока Фил швыряет рюкзак и разваливается сзади. Демонстративно достаю телефон, листаю видео, пока мы лихо вылетаем на дорогу. Не представляю, как папа вообще заставляет эту махину ездить так, что иногда вжимает в спинку сиденья.

Как только выезжаем из поселка, на экране телефона всплывает уведомление о сообщении в новом чате в Телеграмм.

Филипп: А где линзы?

Очки по носу сползают. Моргаю, фокусируюсь: действительно висит непрочитанное сообщение.

Он там головой приложился к окну? Папа водит лихо, все может быть.

Филипп: В них на самом деле неудобно, да? Ты же вчера ночью в них была. Не делай так большие, у тебя глаза красные. Зачем ты вообще их носишь?

Мне кажется, или линзы потеют? Я так сильно соплю? Или что-то с климат-контролем в машине. Снимаю очки, тру глаза, снова надеваю. Еще три сообщения подряд.

Филипп: Я кое-что вспомнил. Мы уже целовались.

Филипп: Как насчет поговорить? Кажется, нам есть, что сказать друг другу.

— Ава, если твой Матвей не уgomонится, его уgomоню я.
— Внезапный папин комментарий заставляет выпасть в осадок.
— Восьми утра нет. Скажи Ромео, чтобы прекращал напisyвать днями и ночами. Ты явно не выпалась.

Бли-и-ин, папа!

Предоставляю, какая я сейчас красная. Они сговорились? Утро под девизом «Доведем Аврору до смерти от неловкости?»

— Матвей пишет только по делу, пап. Мы обсуждаем репертуар для дуэтов, — бубню в пуховик, вспоминая, точно ли я проснулась или это продолжение ночного кошмара.

Филипп: Это студент, который приезжал к школе? Почему «твой» Матвей?

— Где собираетесь выступать?

Да блин, блин! Не при Воронове, пап!

— Пока не знаю. Сегодня первая совместная репетиция. Расскажу вечером.

Филипп: Окей. Давай играть в молчанку. Поговорю с твоим отцом.

— Дядя Витя, знаете, что я делал этой ночью? Ни за что не поверите.

ВОТ ГОВНЮК!

Печатаю со скоростью света.

Аврора: Ненавижу тебя

— Я знаю твоего отца всю жизнь, так что поверю вообще во все. — Папа лихо поворачивает, и я начинаю думать, что приеду в школу слишком рано. Слишком, понимаете?

Надо сообразить, куда сбежать до начала урока, чтобы не видеть рыжего черта.

— Принял решение закаляться.

Филипп: Тебе не кажется, что «твой Матвей» стал заезжать за тобой, когда ты решила поиграть в куклу?

Аврора: Чья бы корова мычала!

Филипп: Один разговор. Мы оба знаем, что тебе ненужно в библиотеку. Абрамовой не будет в школе. У нее олимпиада по математике.

Аврора: Куда делись крыса, уродина, ботаник, очкозавр?

Ты поспорил, да? Что-то вроде «выстави душой нашу крысу».

Филипп: Прекрати так себя называть.

Клянусь, я чуть не оборачиваюсь в этот момент, только чтобы проверить: точно ли там *тот самый* Филипп Воронов? Точно ли он в себе?

Модет, у него начальная стадия пневмонии? Пневмония может влиять на воспоминания?

Хотя, думаю, эту чуму с конским здоровьем не одна болячка не возьмет.

Ловлю веселый взгляд в зеркале заднего вида и... Ух, ну, это будет самое длинное сообщение от меня, которое он получит.

Аврора: Так это я сама себя так называю? Какие новости! Это твой план по спасению от отчисления? Я должна пойти к директрисе и сказать, что ошиблась? Что сама подговорила мальчика, сама себе все это подбросила, потому что хотела наказать тебя?

Филипп: Ты знаешь слово задница? Было бы забавно услышать, как ты ругаешься))

Аврора: С тобой невозможно разговаривать

Филипп: если кинешь в чс – напишу в чат класса

Филипп: Можем просто продолжить то, что было ночью. У меня проблемы, когда нужно говорить словами через рот. Без разговоров проще. Язык тела доходчивее.

Прикусив губу, чтобы хоть как-то спрятать злорадную

улыбку, пишу всего одну фразу.

Аврора: не в твоём случае

Филипп: ?????????????????????????????

Филипп: Это провокация. Ты со мной флиртуешь?

Я тебе, идиоту, сказала, что ты целоваться не умеешь. Где ты флирт тут усмотрел?!

— Ну что, приехали. Успеваешь в свою библиотеку? — Папа заезжает на полупустую парковку, а я проклиная себя за то, что просила ехать быстрее. Это же папа, а не мама. У него слово «быстрее» воспринимается буквально. Мама рассказывала, что он возил ее на пары с таким ветерком, после которого она начала пристегиваться.

Перед тем, как попрощаться с папой, мы обмениваемся последними сообщениями.

Филипп: ты же знаешь, почему я так поступал в самом начале.

Аврора: да, знаю. Но если не заметил, я несколько лет пыталась попросить прощение. Это ты носился со своей обидой, как курица с яйцом. А теперь знание не меняет того факта, что я не собираюсь тебя прощать.

Закрываю приложение. Конец беседы.

Гимназия полупустая. До начала уроков еще минут пятнадцать.

Мы вместе вышли из машины. Вместе шли до входа. Вместе сдавали вещи в гардероб. Теперь он молчит. Просто

ждет, пока я переобуюсь в кеды.

Я даже не могу сказать, что это странно. Это хуже, чем странно. Это абсолютно выбивает из колеи и всерьез заставляет задуматься о двух вещах: либо он собирается заставить меня пойти к Ольге Михайловне и забрать обвинения, либо это какой-то спор, как в дешевых американских мелодрамах. Тогда зря я вчера не залепила вторую пощечину.

Пока сижу на лавке и завязываю шнурки, замечаю еще одну неприятную вещь: на нас смотрят. Искоса. Переговариваясь. Тетя Марина, повар, уборщица. Даже проходящие гимназисты, которых у гардеробной становится больше.

Возможно, ждут продолжение вчерашнего обеденного шоу. Или того, как Фил поставит меня на место.

Все будет хорошо. Пусть смотрят, подумаешь.

Беру рюкзак, сдаю сумку с обувью и с раздражением понимаю, что он идет следом. Даже когда поднимаемся по лестнице, чувствую десятки любопытных взглядов — и это именно сегодня, когда я снова в очках и выгляжу, как зомби.

— Из-за тебя все смотрят, — бросаю в пространство, не поворачивая головы.

— Да плевать. — За спиной раздается смешок, от которого горячие мурашки бегут по шее. — Забей на них.

— Что ты там делаешь? — Ступеньки. — Строишь рожи? — Ступеньки. — Облил пиджак корректором? — Поворот и лестница на третий этаж. — Что-то клеишь на спину?

— Просто люблюсь, — веселый голос окончательно доби-

вает. И без того натянутые нервы сдают. Резко оборачиваюсь, едва не теряя равновесие. Вот было бы эпичное завершение неудачного утра!

— Спокойно! — Фил вскидывает руки, как грабитель в плохом фильме. Его глаза искрятся смехом, но не таким, к которому привыкла. Теплым, как... Как раньше. Это только злит сильнее. — Ты...

— *Я что?* — Шиплю, чувствуя, как щёки горят.

— Ну, ты вроде как... — наклоняется, понижает голос, — из-за очков не хочешь ко мне лицом поворачиваться. Я и не против, — продолжает, улыбаясь шире и делая шуточный реверанс. — Мы же гимназисты! Нас учат быть джентльменами. Дамы — вперёд!

Отворачиваюсь, стискиваю зубы и быстро шагаю к кабинету математики, пока он не выдал еще что-нибудь, за что захочется треснуть по башке посильнее. К моему счастью, Фила зовет кто-то из учителей: слышу громогласное «Ворон!» и шаги за спиной пропадают.

Может, ему сейчас скажут об отчислении?

У класса только Глеб с Арсением и близняшки Оля с Леной. Сидят на подоконнике, коллективно делают домашку.

Первое желание — опустить голову. Не доходить до кабинета несколько метров. Сесть на подоконнике подальше.

Но, знаете, что? Нет.

В линзах или в очках — это я. Одинаковая. Не собираюсь давать себя в обиду только потому, что пришлось надеть

оправу.

— Опа! А наша мышь вернулась, — Оля (она всегда носит розовые ободки, в отличие от сестры, которая их не носит вообще) окидывает взглядом исподлобья, отрывается от тетрадей первой. — Что на счет помочь одноклассникам?

Чувствую, как горят уши, но сажусь напротив, специально выпрямляя спину. Пусть видят: мне плевать на них и их глупые замечания.

— Она с Абрамовой повелась и зазналась, — сестричка весело ей поддакивает, говоря обо мне так, словно меня здесь нет. — Спорим, Абрамова ее юзает ради домашек?

Вот идиотки. Если не заметили, Саша — единственная стипендиатка в классе. На олимпиаде сегодня она, а не я. Я вообще подозреваю Сашу в высоченном IQ, которое странно влияет на ее подвижность.

— Всем привет, — к компании присоединяется только что подошедшая Вильская.

Опускаю голову, достаю телефон, но успеваю заметить, что Полина выглядит нездоровой. Бледная, пусть и такая же эффектная, как обычно.

— Нужно? — Глеб машет ей тетрадкой.

— А ты все решил? — Даже голос у нее какой-то сорванный. — Я последнюю задачу не разобрала.

Пишу Саше пожелания удачи в Олимпиаде, на что она тут же присылает кружок: сидит за длинной партой в универе, улыбается и машет. На фоне такие же ряды, заполненные

участниками Олимпиады. И... вау! Чья это там темная макушка?

Аврора: рядом с тобой Юсупов?

Саша: где?

Аврора: вот прямо рядом с тобой! Слева. Как всегда чем-то недовольный.

Саша: а, этот придурок? Я его не заметила)) Сам подсел.

Хм. Саша говорила про мальчика с золотой ложкой в..., про то, что он похож на принца и про то, что он увлекается восточной культурой. Как я сразу не поняла!

Дима в школе к ней не подходит и называет сумасшедшей. Саша прилюдно демонстрирует ему средние пальцы стабильно раз в два дня, но... Он действительно обладает аристократичной утончённой внешностью, незаурядными мозгами и волосами принца Эрика.

— Бестужева, прием! — Глеб соскакивает с подоконника. Вижу его кеды. Шаг, шаг, шаг. Удушливый запах слишком взрослого для его возраста парфюма бьет в нос. — Давай сюда тетрадь.

Упрямо сижу. Не двигаюсь. Смотрю в телефон.

— Ты что, не только слепая, но и глухая? Гони домашку, — безапелляционным тоном заявляет, будто я ему должна.

Страх и злость перемешиваются во взрывоопасный коктейль. Все внутри сжимается, когда поднимаю голову и смотрю прямо на него.

— Я не слепая.

Он ухмыляется и...

— Убери руки! — Шлепаю по запястью, но ему плевать.

— Уже убрал, — одним движением сдергивает с меня очки. — Если не слепая, зачем они?

Как низко. И подло.

Глеб превращается в размытое нечто — только синяя форма мелькает мутным пятном. Все, что за его спиной — сплошное цветное неразборчивое месиво.

— Ну что, уродина? — Его голос звучит громче, когда он наклоняется ближе. Не вижу выражения лица, но знаю, что он ухмыляется. Пытаюсь не выдать себя, не давать им знать, насколько все плохо.

Стены — грязно-жёлтые разводы.

Окна — слепящие прямоугольники.

Люди — тени без лиц.

Тянусь за очками, но Глеб отдергивает руку.

— Ой, что-то нужно? — насмешливо тянет, держа их перед моим лицом, как трофей. — Только в обмен на домашку.

Пальцы впиваются в телефон. От страха потеет спина. Дышу ровно, чтобы не показать, что внутри — паника. Смотрю на его смазанное лицо, надеясь, что не пялюсь куда-то на губы или подбородок.

— Верни. — Голос тише, чем хотелось бы.

— Что-что? Так ты не глухая, да? Может, все таки и не слепая? Зачем они тебе?

— Для того, чтобы видеть тупых идиотов, не способных

сделать алгебру. — Говорю громче. Так, что все они, все, блин, слышали! — Полезно, когда вокруг такие, как вы.

— Ты... — кажется, он заикается от злости. Сейчас разобьёт очки, да? Я даже не вижу, что он делает с ними! Вроде пятно-рука замахивается... Или нет? Мелькают новые белые пятна. Рубашка?

Очки падают мне на колени — целые и невредимые. Торопливо надеваю их — мир снова обретает четкие формы.

— Какого чёрта, Фил?! — Возмущенно-испуганный крик режет уши.

Фил держит Глеба за пиджак, приподняв его так, что носки кедров едва касаются пола. Солнечный свет из окна падает на его профиль — резко очерченная челюсть, напряженные мышцы шеи, глаза, в которых плещется настоящая ярость.

— Это ты мне объясни, какого чёрта? — Его голос низкий, рокошующий и не обещающий ничего хорошего.

— Да она сама!..

— Она, — Фил перебивает его, в пару шагов прижимая к стене, — просто сидела.

Близняшки замирают, открыв рты. Арсений опускает голову, делая вид, что не замечает ничего. Полины нет. Словно ее и не было вообще.

— Че за фигня у вас... — подходящего следом за Филом Разумовского перебивает истеричный визг математички.

— Филипп Воронов! Живо в кабинет к директору!

Глава 19. Ты всегда была моей

Филипп

Сажу в кабинете директора. Смотрю в зеркало на стене.

Хочется кричать «Прости» во всю глотку. До хрипа. До сорванных связок. До момента, пока она не поймет, насколько сильно потребность извиниться.

Если бы можно было развернуть время вспять... Я бы многое отдал за единственный шанс! Не тащил бы Аврору на проклятую площадку!

Закрываю глаза. Под воспаленными веками, словно выжженная на сетчатке – *она*.

Мясорубка крутится, крутится, крутится. Кто-нибудь, вытащите мне. Вытащите из затягивающего ада мелькающих воспоминаний.

Мне нужно почувствовать боль.

Физическая боль знакома мне с детства. Впервые мы столкнулись в тот день, когда Аврора бросила меня с маргинальными отморозками. Худшее воспоминание, но... Знаете, почему я ревел, валяясь на сухой пыльной земле Геленджика?

Раздирало осознание предательства. *Она сбежала*. Воспользовалась шансом, но никого не позвала помощь. Ядовитая, растекающаяся по венам обида крыла мелкого меня так сильно, что я даже не запомнил, как придурки занесли меня

в старую трансформаторную будку и заперли.

В темноте, лежа с разбитой губой и пробитой башкой, с адским жжением в ребрах, я возненавидел не их, а ее. Словно она была виновницей случившегося — так решил мой тупой мозг. Когда каким-то чудом, в соплях и слезах увидел дырку между землей и стенкой, когда вылез через нее... Рядом никого не было.

Я поплелся в сторону отеля ее предков, но родители нашли меня только к вечеру. Знаете, что я запомнил лучше всего?

Всем на всех плевать.

Я был избитым потерянным десятилетним ребенком. Никто не подошел. Никто ничего не спросил. Меня обходили, как чуму, решив, что я отброс. Ребенок пьяницы или черт знает кто еще.

Я набрел на остановку, где спрятался от солнца. Помню бабулю, давшую воды и позвонившую в полицию.

Помню суету, полицейских с собаками, скорую, маму, папу, дядю Витю и Василису Николаевну... И ее. Аврора была среди них. Тогда ее лицо, залитое слезами, впервые вызвало у меня отвращение. Какого черта ревела она, если досталось мне?!

В тумане ненависти и тисках панического страха темноты прошли пятый и шестой классы. Она молча терпела все мои выходки. Абсолютно все.

Она пыталась не отчаиваться. Каждое утро, когда води-

тель вез нас в школу, Ава начинала с тихого «прости» и картонной коробки сладкого. Вензеля, круассаны, шарлотки, бисквиты — я показательно выкидывал в мусорку каждую коробку. Кроме одной.

Да, как-то раз не удержался. Кажется, это было проклятое четырнадцатое февраля. Я сказал, что вызову на стрелку того, кто подарит ей валентинку, а она...

В тот день коробка была по-дурацки розовой. Охрененно пахло клубникой и выпечкой. Слюни потекли. Открыл и... На внутренней стороне ее ровным красивым почерком было выведено наивное «Я тебя не бросала. Я пыталась найти тебя весь день».

Как меня взбесила тогда эта ложь!

ГДЕ ТЫ МЕНЯ ИСКАЛА? Я БЫЛ ТАМ, НА ТОЙ ПЛОЩАДКЕ!

Она была упертой. В седьмом классе перестала таскать сладкое, но все также вместо «привет» звучало «прости». Она пыталась влиться в отвергающий ее класс, смеялась со всеми с моих шоу у доски, сбегала уроков. Казалось, что на зло мне она не боится. Вообще ничего и никого.

В восьмом классе я назвал ее «уродиной». Вот тогда что-то в ней и сломалось. Расстояние между нами увеличилось: в тачке она неизменно жалась к окну. Больше не разговаривала со мной. Ни с кем из класса. Стала горбиться, опускать голову и прятаться за волосами.

Я обломал ей крылья. Вырвал с корнем этим проклятым

словом, а все так быстро подхватили!

Глаза адски печет и... черт. До крови во рту прикусываю щеку изнутри.

Черт-черт-черт! Я не хотел, что бы... все вот так вышло! Я не... Не... Это и есть ваше чертово сожаление?!

Сквозь туман и пекло в глазах понимаю, что у входа в кабинет верещит мать Глеба. Подошедшая директриса трет переносицу.

— Ирина Константиновна, вы свободны.

— Но он! Он...

— Ирина Константиновна, у вас урок в одиннадцатом «А».

Синусоида истерично захлопывает дверь, оставляя меня с дьяволом один на один.

— День ещё не начался, а ты уже кого-то довёл. — Смотрит на меня, тяжело вздыхая. — У меня нет желания делать тысячное замечание. Мы начинаем процедуру отчисления, Филипп. С твоими родителями свяжется классный руководитель. Свободен. Можешь не приходить на занятия.

Нет, нет, нет.

Я способен пробежать стометровку, не задохнувшись, но сейчас гипервентиляция кружит голову. Сердце стучит, словно я дал ему конскую кардионагрузку.

Наклоняюсь. Цепляюсь пальцами за обивку стула, пытаюсь привести себя в чувство, но становится только хуже. Мозг, пресыщенный кислородом от частого дыхания, рисует

яркие воспоминания.

Аврора была аксиомой. Неоспоримой частью моей жизни, сколько себя помню. Веселая девчонка, устраивающая в наших домах настоящие шоу-концерты с песнями, переодеваниями и мои хреновым бэк-вокалом.

Она была настолько яркой и светлой, что можно было ослепнуть. Золотой ареол вечно растрепанных волос, заразительный смех, перед которым когда-то не могла устоять малышня из первого «А», улыбки и зазорное «Фи-и-ил, ну пожалуйста!», ради которого я готов был сигануть в любое пекло.

Она соглашалась на всю фигню, которую я предлагал.

Расцарапанные колени и руки, синяки на ногах и грязные после наших игр шмотки приводили Василису Николаевну порой в состояние сердечного приступа, но никто ничего не мог сделать: нас невозможно было разлучить.

Она была моей. Уже тогда.

— Филипп?

Я целовал ее в щеку, не зная, как сильно мне везло: у мелкого меня была такая возможность.

— Что с тобой?

Уже тогда, не осознавая, что такое детская влюбленность, я тащился от запаха сладкой ваты, которой пахли ее волосы, от нежной кожи, от темнеющих, как штормовое море, глаз, когда она злилась.

— Я вызову врача.

Уже тогда было ясно, что взрослому мне она поставит шах и мат в два хода: все в этой девчонке срабатывало словно афродизиак. И я собственноручно ее уничтожил, стоило ей допустить ошибку. Она была таким же напуганным ребенком, хренов я идиот! Какого черта натворил?!

— Пожалуйста... — сглатываю горечь, не веря, в то, что звучу настолько жалко. — Не исключайте меня.

Она ненавидит меня. Заслуженно. И пусть. Все это время, когда я ненавидел ее, она все равно была здесь. На расстоянии вытянутой руки.

— Пожалуйста...

Только не разлучайте нас снова. Сначала все лето. После — Пекин. Семь месяцев без нее. Я притворялся, что не заметил её отсутствия, но школа стала серой. Баскетбол — бессмысленным. Даже победы не радовали.

Я заходил к дяде Вите едва ли не каждый день. Я ничего про нее не спрашивал, но сидел на кухне Бестужевых и поглощал выпечку Василисы Николаевны. Единственная еда, вкус которой чувствовал. А потом она вернулась: и мир снова обрел цвета.

— Прекращай разыгрывать комедию, Филипп.

Пока все обсуждали её внешние изменения, я заметил другое: Аврора изо всех сил пыталась вернуть себе себя. Ту себя, которую, как мне казалось, я уничтожил.

Я думал, что знаю, что такое ненависть? Думал, что ненавижу её?

Нет и нет. Что такое ненависть я узнаю прямо сейчас — когда поднимаю голову и понимаю, что больше не могу смотреть на свое отражение. Поворачиваюсь к Церберу и чеканю.

— Ольга Михайловна, Глеб сдернул с нее очки. Требовал списать. Замахнулся на нее. Они ничего без них не видит.

Четко очерченные черные брови взлетают.

— Глеб? Он не мог так сделать.

— Мог. Это было в коридоре перед кабинетом математики. Посмотрите запись, пожалуйста.

Её губы сжимаются.

— Я защищал свою девушку. От сына Ирины Константиновны. Половина класса видела.

— Если сейчас на записи не будет твоих сказок, я добавлю к психологическому портрету постоянную ложь старшим.

Я не ожидал, что она сдастся, но Ольга Михайловна пару раз кликает мышкой, смотрит в монитор, и, судя по поджимающимся губам и краснеющему лицу, видит сыночка математички во всей красе.

Щелчок. Щелчок.

— Записи твоего нападения на одноклассника больше нет.

— Как и записи поведения сына заслуженного преподавателя.

— Хорошо, Филипп. Давай поговорим по-взрослому, — она быстро пишет сообщение в телефоне, — я предупредила Марину Анатольевну, чтобы она не звонила твоему отцу.

Ольга Михайловна складывает пальцы в замок под подбородком.

— Мне не выгодно тебя отчислять. «Легион» уже занялся формированием твоего имиджа. Тот факт, что их восходящая звезда из «Альмы», сыграет хорошую роль для спортивного финансирования на следующий год.

Да-да, и плевать всем, что это заслуга моего старого баскетбольного клуба.

— Фотография эротического содержания может создать проблемы. На записки я могла бы закрыть глаза, отправив тебя к психологу со, скажем, приступами агрессии. Но ты дал ребенку порнографический материал. А он передал его Авроре, которой тоже нет восемнадцати.

— Я ничего из этого не делал. Говорю же, мы с ней встречаемся.

Вот это я ляпнул.

Стерва на минуту охренела.

— Аврора может это подтвердить?

Сгорел сарай — гори и хата.

— Да.

Вот она обрадуется, конечно. Может, я мазохист, которому понравилось вчерашнее окончание вечера?

— Ну что же. Подростки бывают трудными... неуправляемыми... — задумчиво стучит ногтем по столу, и я догадываюсь, к чему она ведет разговор.

— Только не делайте из нее психопатку. Хватит одного

меня.

— Хорошо. Диагноз поставит психолог. Ты сможешь остаться. И с тебя Кубок школ в турнире. «Касаткам» нужен заряд бодрости на следующие пару лет.

— Сделаю все, что смогу.

— Нет, Фил, ты сделаешь все, что можешь и не можешь. Я не буду сообщать педсовету и совету попечителей о том, что в школе завелся еще один ученик, который травит гимназистов. Вот как мы поступим: ты прислал анонимки, потому что вы поссорились или потому что хотел привлечь внимание, или что там вы решите с психологом... Может, у тебя действительно дефицит внимания, а может проблемы в части эмоционального интеллекта.

Я заключаю сделку с дьяволом? Ощущается именно так. Надеюсь, мне не пропишут ничего серьезного, что повлияло бы на дальнейшую карьеру в спорте. И еще кое-что важное.

— Если ей еще что-то подкинут?

— Вы же встречаетесь. Твоя девушка сможет не раздувать скандал ради твоего успешного завершения среднего общего образования? Да и ты рядом. Не думаю, что ей теперь что-то угрожает.

Моя девушка. Моя девушка убьет меня.

Когда кажется, что сделка подписана кровью, когда она отправляет меня вместо урока в кабинет к мозгоправу, Ольга Михайловна добавляет еще одно условие:

— И, Филипп. Даже не думай еще раз тронуть сына Со-

коловой. С ней я сама поговрю.

Филипп:ЗАВТРА В 19:00. ВЕЧЕРИНКА. У МЕНЯ ДОМА. ПРИГЛАШЕНЫ ВСЕ. КРОМЕ Соколова

Сообщение мгновенно прочитывают. Льются ответы, не смотря на разгар первого урока.

Отлично. Пока они обсуждают мое возвращение, проверяю наш с ребятами чат. Там висят сообщения уже минут двадцать.

Максим:@Воронов, что за хрень ты устроил? Нет, серьезно. Что за хрень? Сначала на меня рычал, потом эти ваши семейные разборки в столовой, потом Глеб... Запал либо?

Максим:@Юсупов, ты со своей олимпиадой пропустишь отчисление капитана. Он озверел из-за Бестужевой. ДИ-МА!!! ХЭЛП!!! ЕМУ НУЖЕН ГОЛОС РАЗУМА

Максим:@Соколов, а ты че молчишь? Не мог у нее по-человечески попросить? Я могу дать мастер-класс)))

Максим:Але! Вы всем меня игнорите?

Глеб: я понятия не имею, что происходит. С каких пор Бестужева стала неприкосновенна. И @Макс, иди ты

Глеб: КАКОГО ЧЕРТА?! В ОБЩЕМ ЧАТЕ

Максим:Фил, ты серьезно кинул друга из-за юбки?

Филипп:извинись перед ней

Глеб:ничего не хочешь объяснить?

Филипп:сейчас объясню

Открываю общий чат, пролистываю хренову тучу сообщений. Надеюсь, она проверяет его хоть иногда.

Филипп:Аврора, не опаздывай или я зайду за тобой сам))

Глеб:это шутка?

Филипп:для особо непонятливых. Аврора – моя девушка. И вы все приглашены на вечеринку в ее честь. Если у кого-то есть вопросы – вэлком. С радостью поговорю лично с каждым.

Тишина.

Тишина.

Тишина.

Чат взрывается вопросами..

Кажется, я только что предложил ей встречаться. Теперь можно к мозгоправу зайти.

Трачу два урока на разговоры, валяясь на белой кушетке. В какой-то момент дремлю под унылые истории психолога.

Звонок с урока застает меня у стенки напротив кабинета физики. Родной 11 «А» вываливается в коридор.

— Воронов, тебя правда отчисляют?

— Фил, че за движ с ботаником?

— О, ну здорова, герой-любовник!

Максим лезет с дурацкой ухмылкой, обнимает за шею.

— Я знааал, что эти ваши игры в «любовь-ненависть» закончатся примерно так!!! Знал! Ну, че? Как она?

Народ уже подтягивается — коридор гудит.

— Твоя девушка, кажется, не хочет выходить, пока мы тут

стоим, — Вильская говорит сладким голосом, но глаза ледяные. Подходит ближе, так, что слышу только я. — Ее нет в общем чате, Воронов. Бедная мышка не в курсе, почему на неё пялятся.

Кто-то сзади ржёт.

— О, Вильская, ну че, волосы ей вырвешь или как?

— Эй, а в ваш тройничок запись есть?

— Бестужева, welcome в шведскую семью!

Ава выходит последней. Бледная, с тетрадью, прижатой к груди. Наши взгляды сталкиваются. В её глазах — шок. Шагаю вперёд, но комменты не смолкают.

— Опа, а вот и виновница тусы!

— Че молчишь, Бестужева? Или теперь к тебе через Воронова?

Аврора в полнейшем ахере смотрит по сторонам.

— Все, нафиг, заткнулись! Или лично заткну!

Че несу? Снова нарываюсь на драку? И так в кабинете Цербера бываю чаще, чем на уроках.

— Так, оставим-ка голубков поворковать! — Разумовский с улыбкой оглядывает толпу с высоту своего роста и улыбается. Умеет разрядить обстановку. — Але! До пятницы, товарищи! — Затем поворачивается к Аве, подмигивает: — Красотка, очкарик. Только не порти ему лицо, ладно?

За ним медленно рассасывается толпа: кто-то косится, кто-то шепчется, но никто не решается остаться.

Полина стояла за широкой колонной и наблюдала странную картину.

Фил отдал Бестужевой свой телефон. Что-то тихо сказал. В ответ ее светлые брови приподнялись, а губы приоткрылись в забавном «О». Видимо, одноклассница увидела в чате, о существовании которого не подозревала. Пока Аврора ли- стала сообщения в его телефоне, Фил смотрел на Бестужеву так, как никогда не смотрел на Полину: без привычной дерзости, без маски.

— Поверить не могу, что он на меня наехал из-за очкастой овцы! — Грубый, но негромкий голос Глеба раздался слева. Полина юркнула в другую сторону. Теперь она могла видеть, как Глеб плюхнулся на подоконник в метре от сладкой парочки и бросил рядом с собой сумку, из которой едва не вывалились учебники.

Максим, ее личный изверг с ангельской внешностью и ямочками на щеках, остановился напротив.

— Он на тебя наехал, на меня. Из-за нее. Ты понимаешь, что происходит?

— Да плевать.

— Она тебе тоже что ли?..

— Серьёзно, завязывай. Какое тебе дело кто и с кем? — Максим на миг стал не балагуром, которого знают все, а тем, кого видела изредка дома Полина. Разумовский прожег Глеба взглядом, когда Полина слышала девичий спокойный голос.

— Мне не нужна ничья защита. Твоя — в особенности.

Разворот. Шаг. Еще один. Она ушла, даже не повысив голоса. А Фил улыбался. Не насмешливо, не зло, а так, словно только что выиграл спор. Он даже не пытался скрыть гордость, провожая Аврору взглядом.

— Тебя только что отшили, капитан. Чему радуемся?

Фил наконец оторвал взгляд от удаляющейся фигуры Авроры.

— Ты чего тут торчишь?

— Да так, наблюдаю за природой. — Максим широко улыбнулся. — Редкий вид птицы — Воронов, получивший отпор и не пытающийся дать сдачи.

Фил пожал плечами.

— Завтра, послезавтра или через неделю — она моя. Выпускной вальс либо со мной, либо ни с кем.

— Именно ты несколько лет дрессировал ее выдержку и нервы, так что-о-о... Сорри, кэп, но ставлю на нее.

Фил всегда был азартен и не терпел поражений. Полина видела, как улыбающиеся друзья пожали друг другу руки, словно поспорив. А потом произошло что-то совсем неожиданное. Максим попросил Глеба разбить и... Полина увидела, как судорожно Глеб прятал телефон, на который, кажется, тайно снимал происходящее.

Ни Максим, ни Фил ничего не заподозрили. Глеб действительно извинился за утро. Фил что-то недовольно проворчал. Парни, забрав рюкзаки, ушли.

Она осталась в коридоре одна.

Сновали туда-сюда гимназисты. Ходили неспешно учителя. Вильская подошла к подоконнику, где сидел Глеб.

Зачем ему это видео?

Она достала телефон, включила камеру — тот же ракурс. Идеальный обзор.

Сказать Филу? Выгодно ли ей это? Нужно ли ей вообще лезть в их разборки, когда своих забот полно?

Мысль вызвала горькую усмешку.

Скаут из модельного агентства настаивала: «Пиар с Вороновым — идеальный вариант. Золотая пара школы. Люди любят шоу, а твой аккаунт в нем нуждается». Мама вчера снова поставила перед ней тарелку с брокколи и вареным лососем: «Перед отбором на неделю моды приведи себя в форму». А эти дурацкие записки...

«Ты красиво смеешься. Почему последние дни ты перестала это делать? Из-за Воронова? Он тебя не достоин».

Кто-то наблюдает, но ничего не делает: Полина привыкла к подобному в своем мире, но в школе?

«Новый парфюм слишком резкий. Вернись к тому, что был раньше».

А вот это вообще никто не должен был заметить! Полина несколько дней подряд использовала туалетную воду будущего сводного брата, чтобы позлить его. Максим не переносил, когда трогали его вещи.

Вильская глубоко вдохнула, откинулась на окно. В глаза

бросился аккуратно свернутый листок бумаги в клетку. Лежал там, где валялась сумка Соколова.

Нехорошее предчувствие родилось в груди, когда Полина потянулась к листку. Развернула. И застыла, читая слова, выведенный знакомым почерком.

«Когда ты наконец поймешь, что он тебя не достоин?»

Дорогие, приглашаю вас в книгу Димы и Саши "Новенькая"

Успевай прочитать бесплатно тут: <https://litnet.com/shrt/zyCJ>

И приглашаю в горячую, летнюю, острую историю родителей Авы: "Люблю тебя, девочка" (СТРОГО 18+)

ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/y7Vt>

Глава 20. Мотыльки, слетающиеся на свет

♪♪Полина Гагарина и Сергей Лазарев - Две звезды♪♪

Матвей припарковался перед воротами «Альмы» и ждал Аврору. Нетерпеливо барабанил пальцами по рулю, смотрел на механические наручные часы, поправлял каштановые вихры волос, глядя в зеркало заднего вида.

Шерстяное пальто давило на плечи. Воротник водолазки врезался в горло. Матвей нервничал все сильнее: видел, как у выхода из гимназии ее тормознул какой-то рыжий придурок.

Вмешиваться не хотелось: парень выглядел крупнее самого Матвея. Девчонку вряд ли ударит, а вот ее защитника — вполне.

Матвей знал Аврору много лет: у неё был выдающийся контральто, диапазон три с половиной октавы. Ава могла бы стать восходящей звездой бэлтинга, если бы могла петь на публике. Но она не могла. Теряла дар речи в свете софитов.

В этом году девчонка изменилась. Матвей знал, что дуэт с ней — шанс пробиться в какой-нибудь крутой лейбл. Дуэты в мире попсы популярны, Ава стала смазливой. Нужно только помочь девчонке поверить в себя. Матвей будет тем, кто это сделает.

Он представлял, как их дуэт в стиле «Artik&Asti» взрывает чарты, как взлетает его популярность, как жизнь приобретает яркие краски. Билет в эту жизнь — забитая девчонка-школьница — вряд ли вообще будет понимать, что происходит.

Матвей еще раз бросил взгляд на ворота школы и съежился, столкнувшись

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.